

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А. Ш. Кадырбаев

Данный раздел посвящен социально-экономическому и политическому положению стран Центральной Азии в период после распада Советского Союза. Рассматривается ресурсный и коммуникационный потенциал региона, предпосылки и перспективы международного сотрудничества, а также возможные траектории разрастания кризисных ситуаций в Центрально-Азиатском регионе. Особое внимание уделяется торгово-экономическому, военно-техническому, культурно-образовательному и другим форматам сотрудничества стран Центральной Азии с Российской Федерацией.

С точки зрения современных векторов мировых коммуникаций, расположения мировых рынков, основных мировых центров производства и потребления пространственное положение Центральной Азии нельзя назвать удобными удачным. Это обширное пространство «вклинивается» на севере в «подбрюшья» России и Китая, которые при этом повернуты к Центральной Азии своими периферийными экономическими зонами – Сибирью и Синьцзяном. На юге регион граничит с Ираном, Афганистаном, Пакистаном – странами, еще не решившими собственных проблем модернизации. Существенный геополитический минус – отсутствие у центральноазиатских стран выхода к морю. Страны Центральной Азии не располагают и развитой инфраструктурой для выхода к транспортным магистралям – силовым линиям современной глобальной экономики.

Вместе с тем не следует недооценивать их важного геостратегического значения. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан занимают территорию, равную 17,8 % территории СНГ. В них проживает около 60 млн человек (20 % населения СНГ). На их долю в бывшем СССР приходилась основная часть цветных и редких металлов (в том числе половина золота), значительная часть природного газа, нефти, угля, химического сырья, черных металлов, свыше четверти потенциальных гидроэнер-

гетических ресурсов, половина сельскохозяйственных угодий и орошаемых земель. Центральная Азия – крупнейший регион по производству хлопка, зерна, мяса, шерсти, каракуля.

По современным меркам регион обладает значительными запасами ценных и исключительно ценных, в том числе стратегических ресурсов. Например, Казахстан занимает 1-е место в мире по запасам вольфрама, 2-е место по хромовым рудам, на его территории находится 1/3 всех разведанных на территории СНГ запасов меди, Таджикистан занимает 2-е место в СНГ (после России) по гидроэнергетическим запасам т.д. В этом отношении страны Центральной Азии превосходят многие соседние государства и в целом представляют собой уникальную кладовую остро необходимых миру ресурсов.

В последнее десятилетие резко усилился интерес многих стран к региону с целью получить доступ к его ресурсам. В связи с этим вновь становится актуальным местоположение Центральной Азии как региона, находящегося в центре Евразийского материка, соединяющего Европу и Азию, с одной стороны, а с другой – три огромных азиатских региона: Дальневосточный, Средневосточный и Южный.

Слабое развитие современных средств коммуникаций, соединяющих Центральную Азию с ведущими державами, – вероятно, важное недостающее звено в процессе глобализации мировой экономики. В последнее время выдвигаются различные проекты транспортировки ресурсов Центральной Азии в западном, восточном и южном направлениях (некоторые проекты на стадии реализации). Широко обсуждается идея возрождения Великого шелкового пути. Если эта или подобные ей идеи будут реализованы, страны Центральной Азии станут государствами транзита, раскроется пока еще потенциально свернутое геэкономическое и геостратегическое значение этого региона, он займет важное место в мировом пространстве хозяйственных, политических и культурных связей.

Таким образом, Центральная Азия – это регион, обладающий значительным и уникальным ресурсным, экономическим и коммуникационным потенциалом, реализация которого находится на начальном этапе (см., например: Акаева и др. 2013).

Казахстан

Казахстан – второе (после России) по размерам территории государство СНГ (2 724900 кв. км), занимающее важное стратегическое

положение между Западом и Востоком, Европой и Азией. От уровня взаимоотношений России и Казахстана во многом зависит стабильность и безопасность евразийского пространства в целом.

В демографическом составе населения примерно поровну представителей Азии и Европы, чего не наблюдается больше ни в одном государстве этих регионов.

Во внешней политике, которую проводит это государство, и в целом в его геостратегической линии выделяются два дополняющих друг друга направления: одно – формирование союза центральноазиатских государств и придание ему в перспективе признаков нового геополитического центра в Азии; другое – как можно более тесное сотрудничество с Россией и другими странами СНГ, попытка дальнейшей эволюции Содружества для обретения нового качества Евразийского союза, в котором достигалось бы более прочное и тесное единство всех государств.

Примыкая к России, Казахстан как отделяет, так и связывает с ней остальные центральноазиатские государства. Таким образом, Россия лишь опосредованно через Казахстан связана с остальной Центральной Азией, и это обстоятельство отражается в целом ряде аспектов российской геополитики и геостратегии в регионе.

Расположенный между двумя великими ядерными державами, Россией и Китаем, Казахстан создает большую буферную зону, уменьшая площадь соприкосновения между ними, а тем самым и возможности дополнительных напряжений, которыми изобилует приграничная история этих стран.

В то же время Казахстан, будучи сдавленным двумя великими державами, Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, включает в себя этнические группы и с той, и с другой стороны. В этой сложной геополитической ситуации Казахстану сложнее налаживать выгодное экономическое сотрудничество с КНР и одновременно парировать его усиливающееся влияние, находясь в позиции «оборонительного рубежа» СНГ на востоке. С другой стороны, Казахстан может извлечь немало выгод из развития сотрудничества с КНР. Здесь особенно перспективно налаживание транспортировки энергоносителей в КНР, которая испытывает в них острый дефицит.

Важной сферой приложения сил РФ и РК является топливно-энергетическая область. После распада СССР его мощный топливно-энергетический комплекс оказался разорванным. Действитель-

но, самодостаточные собственные комплексы не удалось создать ни одной из бывших республик в составе СССР. В новых геоэкономических и геополитических условиях началось, по существу, соревнование между Россией и ведущими странами Запада, прежде всего США, и Востока (Япония, Китай, Турция) за энергетические ресурсы Казахстана. Эта страна является одной из крупнейших в мире по запасам углеводородов, а в недалекой перспективе – и по их добыче: по объему разведанных запасов нефти РК занимает 12-е место в мире (без учета запасов Каспийского шельфа), газа и конденсата – 15-е, по нефтедобыче – 23-е. По объемам производства Казахстан обгоняет такие страны, как Алжир, Ангола, Аргентина, Малайзия, Колумбия. В 2007 г. экономический потенциал Казахстана был равен и даже несколько превышал общий экономический потенциал всех остальных стран Центральной Азии.

Транспортировка казахстанской нефти на международный рынок является актуальнейшей проблемой, так как более трети бюджета Республики Казахстан формируется за счет доходов, полученных от ее продажи. Россия предоставляет для транзита углеводородного сырья свою нефтепроводную систему. Следует иметь в виду, что, стремясь «привязать» РК к своей экономике, Россия идет на ряд уступок казахстанской стороне. В частности, реэкспорт казахстанской нефти привел к сокращению российского бюджета за 1998–1999 гг. на 550 млн долларов. Поэтому перед РФ и РК встала проблема продажи национальными компаниями нефти в оффшорные зоны, что привело фактически к системному уходу от налогов. Из Казахстана экспортируемая нефть шла, например, на Бермудские или Виргинские острова.

Особенности приватизации нефтегазовой отрасли в Казахстане привели к тому, что правительство оказалось не в состоянии проводить последовательную политику, отстаивающую национальные интересы перед иностранными инвесторами, способствующую полной загрузке отечественных НПЗ и обеспечивающую сбор налогов с нефтяных компаний в полном объеме. Доля теневого оборота нефтепродуктов в Казахстане достигает 50–60 %, тогда как в развитых странах она не превышает 10 %. Поэтому проблема добычи и транспортировки углеводородов остается важнейшим стратегическим направлением сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан.

Национальные интересы пяти прикаспийских государств (России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана), а также США и КНР столкнулись в бассейне Каспийского моря. Это вызвано, во-первых, огромными запасами (как разведанными, так и прогнозируемыми) углеводородов. На шельфе Каспия, состоящем из шести нефтегазоносных блоков, разведано 36 месторождений и 374 геологические структуры.

Что касается нефти, то, по оценкам международных экспертов, в Каспийском регионе находится 4 млрд тонн (25 млрд баррелей) разведанных запасов, не менее 14 млрд тонн составляют возможные запасы. Одно месторождение Кашаган в казахской части северного Каспия имеет потенциал, в два раза превышающий известные запасы каспийской нефти. Каспийский регион располагает 6 трлн куб. м. природного газа. Казахстану принадлежат уникальные Тенгизское нефтегазовое и Карачаганакское нефтегазоконденсатное месторождения. Сосредоточение таких природных богатств значительно увеличивает геополитический вес Казахстана и делает его особенно притягательным в глазах соседних азиатских государств, особенно КНР и Запада, в планы которых входит получение к ним доступа и соответственно усиление своих сфер влияния. Во-вторых, прикаспийские страны находятся на стратегическом перекрестке, где сошлись транспортные пути из Европы в Азию. В-третьих, бассейн Каспийского моря хранит в себе огромные биоресурсы, которые, по оценкам специалистов, по своей стоимости превышают стоимость разведанных и прогнозируемых запасов нефти и газа. Проблема Каспия приобрела широкий международный аспект, без учета которого нельзя понять и тем более решить ее. До сих пор остается открытым вопрос о правовом статусе Каспия.

К ведущим отраслям промышленности Казахстана относятся: цветная и черная металлургия, химическое машиностроение, нефтепереработка, легкая и пищевая промышленность, производство строительных материалов. Казахстан – крупный производитель зерна и мясомолочной продукции. РК – одна из немногих стран мира, обеспечивающая себя продовольствием и экспортирующая его.

Из почти 17 млн населения значительную часть составляют казахи – 53 %, или около 9 млн человек, среди остального населе-

ния – русские (30 %), немцы – 200 тыс., украинцы – 300 тыс., татары – 300 тыс., белорусы – 100 тыс., уйгуры – 300 тыс., корейцы – 105 тыс., чеченцы – 100 тыс., турки – 70 тыс., курды – 80 тыс. За последние 15 лет резко увеличилась численность узбекской общины, с 500 тыс. до 800 тыс. человек.

Надежды, связанные с укреплением экономики, Казахстан возлагает в первую очередь на горнодобывающую промышленность экспортной ориентации, на экспорт продукции черных и цветных металлов, а также углеводородного сырья, прежде всего из Тенгизского месторождения. Конкурируют между собой две ориентации в транспортировке углеводородов – через Россию, в порт Новороссийск, и, минуя Россию, через Азербайджан и Иран. В настоящее время принят к реализации первый проект, что, кроме прямых материальных выгод для России, благоприятно с точки зрения укрепления ее позиций в Казахстане.

Казахстан энергично проводит политику экономической интеграции с Россией и другими странами СНГ по нескольким причинам: а) экономическим – видя, что ни Турция, ни какая-либо иная страна, заявившие о своей экономической поддержке центрально-азиатских государств, не могут заменить Россию, Казахстан убеждается, что его экономическое развитие во многом лежит через укрепление многостороннего сотрудничества с РФ и другими странами СНГ, а следовательно, через укрепление его структур и жизнеспособности; б) из-за наличия большой русской общины и опасений продолжения оттока русского населения; в) по соображениям безопасности в связи с наличием огромной неохрanchаемой границы с Россией и пониманием невозможности осуществления этого контроля, а также ввода таможенного и визового режимов.

Определенное охлаждение отношений с США накануне событий 11 сентября 2001 г. из-за обвинения президента РК в коррупции конгрессом США и сенатом Италии также сыграли свою роль в пользу сближения Казахстана с Россией.

Глава Казахстана президент Н. А. Назарбаев выдвинул ряд идей по усилению интеграционных процессов в СНГ, при этом отметив основную слабость Содружества, мешающую ему подняться до уровня нового геополитического центра мирового значения, – организационную рыхлость и даже аморфность, преобладание цен-

требужных тенденций с вытекающей отсюда неэффективностью деятельности, характеризующейся невыполнением государствами принимаемых решений. Согласно предложенному Назарбаевым проекту создания Евразийского союза решения Совета Глав государств СНГ обязательны для всех участников Содружества, осуществляется единая оборонная и экономическая политика, в дальнейшем вводится общая денежная единица. Проект одобрила только Киргизия, остальные государства не поддержали его.

Второй вектор усилий в области интеграции – стимулирование, подталкивание центральноазиатских государств к формированию союзов с целью их консолидации в новую региональную силу, которая могла бы содействовать экономическому росту каждого из них, эффективно отстаивать их интересы в регионе и на международной арене, противостоять напору сил радикального ислама. Н. А. Назарбаев – один из инициаторов создания тройственного союза Казахстан – Киргизия – Узбекистан, поставившего своей целью формирование общего рынка и учреждение органов, координирующих его работу.

Третье направление – инициатива Казахстана по формированию так называемых узлов внутри СНГ, среди которых выделяются два основных типа: интеграция по азиатскому и европейскому векторам и интеграция на евразийской основе. В соответствующие интеграционные ядра государства собираются с учетом их сходств и различий по темпам методам осуществления реформ и вытекающей отсюда разносторонней интеграции.

В национальном вопросе Казахстан стремится проводить сдержанную и предельно осторожную политику. В 1989 г. был принят Закон о статусе казахского языка, и применять его было решено поэтапно – сначала в тех областях, где большинство составляют казахи, а затем, после 2000 г., – на остальной территории. В ноябре 2006 г. президентом Назарбаевым была озвучена идея форсировать усиление роли казахского языка как государственного в стране и подготовить переход его на латинскую графику, отказавшись от кириллицы, что в культурном отношении отдаляет Казахстан от российской цивилизации.

В целом казахстанским властям достаточно долго удавалось сдерживать межэтнические трения, которые имели место в первые годы после обретения РК независимости, не дать им перерасти

в серьезные конфликты. Хотя в последние месяцы 2007 г. международное спокойствие оказалось под угрозой, когда в Южно-Казахстанской области при попустительстве местных властей начались погромы курдского населения, угроза которых не снята с повестки дня и поныне. Поэтому продолжает сохранять актуальность предупреждение казахстанского лидера: если взбудоражить Казахстан на этнической почве, ситуация будет намного хуже, чем в Югославии.

При президенте Республики Казахстан была создана Ассамблея народа Казахстана как консультативно-совещательный орган. В РК этнические диаспоры насчитывают от тысячи до сотен тысяч человек. Взаимоотношения властей РК с национальными диаспорами имеют не только внутривластный, но и внешнеполитический аспект. Например, курдский и месхетинский факторы влияют на турецко-казахстанские отношения, уйгурский и дунганский – на казахстано-китайские, русский и чеченский – на российско-казахстанские, немецкий – на казахстано-германские и т. д. Следует отметить, что влияние национальных диаспор зависит не только от их численности. Так, немногочисленная еврейская община Казахстана – самая влиятельная в стране. Достаточно сказать об олигархической группе А. Машкевича и ее роли в экономической жизни страны. Да и не только в экономической. Способствует этому и поддержка влиятельных внешних сил, опасаящихся исламского мира, что ставит на повестку дня угрозу для Казахстана как возможного объекта атаки в связи с этим со стороны исламских экстремистов. Экономически активно проявляет себя и армянская община. По нарастающей идет пока еще не бросающийся в глаза процесс проникновения в страну этнических китайцев, чему способствует коррумпированность казахстанских властей и демографические особенности Казахстана.

Политика правящих кругов Казахстана направлена на то, чтобы сохранить стабильность. Только на этой базе можно решать вопросы демократизации, защиты личных свобод, продолжать политические и экономические реформы, создавать правовое гражданское общество и двигаться по этому пути в той мере, в какой это не будет ухудшать стабильность. Это несущая идейная конструкция в обосновании главного политического тезиса Н. Назарбаева: сохранение сильной государственной власти на всех уровнях при

пределной ее концентрации на самом верху – в руках президента. Вероятно, принятый в 2013 г. по настоянию представителей силовых структур РК закон о смертной казни для покушающихся на жизнь первого президента РК, равно как и принятый еще раньше закон о гарантиях неприкосновенности и неподсудности его даже после отставки, вполне соответствуют этой цели.

Перенос столицы с юга на север (из Алма-Аты в Астану) был многими воспринят как противодействие возможным российским притязаниям на Северный Казахстан. С этой же целью стимулируется иммиграция казахов из стран СНГ и других государств. Основная цель – поднять удельный вес казахов в стране. Во второй половине 1990-х гг. вернулись на историческую родину свыше 200 тыс. казахов, но их адаптация оказалась намного сложнее, чем представляли себе власти Казахстана.

Опираясь на знание совокупности геоэкономических, геополитических, социальных, этнических и прочих факторов, характеризующих миропропространственное положение и роль Казахстана, геостратегические ориентиры его развития, основные цели, задачи и методы их решения, целесообразно привлечь внимание к следующим моментам политики России по отношению к этой центральноазиатской стране. Главным тезисом, выражающим кредо российской геостратегии по отношению к Казахстану, может быть следующий: без сохранения доминирующей сферы влияния России в Казахстане ей не удастся сохранить влияние и в остальной Центральной Азии. Это определяется не только обширностью территории Казахстана и уникальными природными богатствами, не только значительным количеством проживающего здесь русского населения, но и положением Казахстана как государства, связывающего Россию и другие страны Центральной Азии. Поэтому необходимо развивать более тесные экономические и политические связи с Республикой Казахстан и в то же время поддерживать его усилия, направленные на интенсификацию интеграционных процессов в СНГ. Не исключая формирования и укрепления союзов по этим региональным признакам, важно блокировать их центробежные тенденции как усилением общих интеграционных процессов в пространстве СНГ (последняя перспективная новация в этой сфере – решение о создании общей зоны свободной торговли), так и созданием межрегиональных объединений типа Россия – Белоруссия –

Казахстан – Киргизия – Таджикистан. Идея Н. Назарбаева о создании Евразийского союза заслуживает дальнейшего обсуждения для поиска путей и тенденций развития Содружества Независимых Государств с учетом активизации наступательной стратегии НАТО не только в Европе, но и в Азии, попыток создать новый миропорядок с позиции силы. Россия поддерживает усилия Казахстана по урегулированию пограничных и этнических вопросов с КНР, более тесному экономическому сотрудничеству с ним, и в тоже время противодействует попыткам КНР ослабить единство Казахстана с Россией, укрепляя свою сферу влияния в РК. Защищая интересы русского населения в Казахстане, Россия вместе с тем с пониманием относится к противодействию политического руководства Казахстана националистическим выступлениям любого толка и поддерживает эту политику. Соблюдение прав человека в Казахстане все чаще становится одной из главных тем в беседах президента Н. Назарбаева с представителями международной политической элиты. Так, в ноябре 2002 г. большая часть диалога Н. Назарбаева с представителем Еврокомиссии Романом Проди во время встречи в бельгийской столице была посвящена положению оппозиции в Казахстане. Ситуацию с правами человека и демократическими реформами в Казахстане Р. Проди расценил как критическую, отметив, что она далека от западных демократических стандартов, и подчеркнув, что в Казахстане демократия выборов была использована правящим авторитарным режимом в качестве одной из форм политической мобилизации.

Обсуждается возможная замена законов «Об иностранных инвестициях» и «О государственной поддержке прямых инвестиций» новым законом, где будут уравнены права местных и иностранных инвесторов. За последние десять лет, когда Казахстан проводил политику по созданию благоприятных условий именно для западных инвесторов (получив 20 млрд инвестиций), власти пришли к выводу, что западные инвесторы находились в «тепличных условиях» (в части налоговых преференций и в рамках экологической сферы) и использовали Казахстан исключительно как источник своих колоссальных доходов. В связи с этим иностранные инвесторы озабочены вопросами сохранения своих финансов, хотя правительство Казахстана неоднократно подчеркивало, что существующие льготы в рамках заключенных контрактов сохраняются до 2008–2009 гг.

С введением нового закона предусматривается снижение налога на имущество и налога на прибыль в обмен на инвестиции в сельское хозяйство, несырьевые отрасли экономики, объекты инфраструктуры, то есть во все то, что не является привлекательным для иностранных инвесторов. 2003 г. был объявлен годом Казахстана в России, а 2004 г. – годом России в Казахстане. Сделаны серьезные шаги в решении наиболее острых проблем в отношениях двух стран. Среди интересов России в Казахстане стратегическими представляются такие объекты, как шельф Каспийского моря и космодром Байконур. Благодаря Байконуру Казахстан может считать себя государством с высоким потенциалом в научно-технологической области. Использовать космодром под другие, нероссийские, проекты практически невозможно: все байконурские программы созданы под сугубо российские технологии и стандарты. Вопрос о Байконуре ныне решен, достигнуто приемлемое для обеих сторон соглашение о его аренде Россией до 2050 г. Продолжает развиваться военное сотрудничество, функционируют российские полигоны на Балхаше и в Кашагане. В 2013 г. достигнуто соглашение о поставке Россией Казахстану ракет СС-30. Вместе с тем в последние годы в РК возросла террористическая угроза со стороны сил радикального ислама, которые из-за невнимания казахстанских властей оформились в подполье и заявили о себе рядом терактов в Актобе, Алма-Ате и Таразе. Политика силового решения государственными органами РК не только проблемы террора, но и забастовочного движения, как это произошло несколько лет назад в Жанаозене на Мангышлаке против бастующих нефтяников, требовавших повышения зарплаты, также не способствует укреплению стабильности в стране. Кроме того, РК имеет многомиллиардные долги, в частности перед КНР, чье влияние и проникновение в Казахстан идет по нарастающей: как в нефтегазовый комплекс, так и в другие сферы экономики страны.

Узбекистан

Узбекистан – единственное государство региона, которое за прошедшие десятилетия несколько раз вынуждено было менять основные ориентиры внешнеполитического курса с целью сохранения национальных интересов. Очередная смена курса в связи с анди-

жанскими событиями произошла в 2005 г. Основные принципы внешнеполитической доктрины сформулированы в программной работе И. Каримова «Узбекистан. Свой путь обновления и прогресса».

Ряд внешнеполитических идей президента И. Каримова аргументируется традициями узбекской государственности. Главный приоритет внешней политики Республики Узбекистан – соседние страны. Ключевая региональная идея: «Туркестан – наш общий дом». Каримов обосновывает претензии республики на региональное лидерство рядом факторов, в том числе и при помощи исторических аргументов (наличие «великой истории и великого духовного наследия», «великой культуры»), а также определением границ и названия геополитического региона, в котором находится Узбекистан.

Образовавшийся после развала СССР идеологический вакуум в Узбекистане заполнен новой государственной идеологией, в основе которой лежит провозглашение эмира Тимура идеологическим и историко-культурным символом нации. Узбекскому народу как наследнику Тимуридов отводится ведущая роль в Центрально-Азиатском регионе. Для «внутреннего потребления» миф о стержневой роли Узбекистана в ЦА не так уж и плох. Символизируя великое прошлое, он делает более убедительным новый мобилизующий лозунг узбекской элиты: «Узбекистан будет великой страной».

Основу внешнеполитической концепции Узбекистана определяет экономика. Именно этим обстоятельством объясняется его довольно прохладное отношение к выходящим за экономические рамки интеграционным инициативам в СНГ. Узбекистан в течение всех десяти лет рассматривал эту структуру только как объединение, способствующее формированию рынка на постсоветском пространстве и возрождению кооперационных и межхозяйственных связей между предприятиями на новой основе.

Более того, стремительные политические и экономические реформы в России и Казахстане, взявшие курс на демократическую модернизацию и рыночные преобразования, пугали И. Каримова, отдававшего себе отчет в том, что они могут «взорвать» Узбекистан. Еще на заре своей президентской карьеры в декабре 1991 г. он имел возможность убедиться на собственном примере, сколь велика в Узбекистане мобилизующая сила ислама, и искушать судьбу

у него не было ни малейшего желания. Попытки США повлиять на характер и темпы преобразований встретили отпор со стороны И. Каримова, который в августе 1992 г. резко критиковал американских дипломатов за контакты с оппозицией и сбор тенденциозной информации. Ориентиром была выбрана в меру светская и в меру демократическая Турция.

Однако идиллия продолжалась недолго. Уже с 1993 г. в Узбекистане активно заговорили о применимости для него «китайской модели развития». Такой крен объясняется тем, что у И. Каримова не встретила понимания идея Тургута Озала об интеграции тюркских народов под эгидой Турции. Определенное влияние на охлаждение отношений с Турцией оказала и победа на выборах 1996 г. исламской партии Н. Эрбакана, лишившая И. Каримова аргументов в пользу светского пути развития Узбекистана.

Однако это не означало, что «турецкий фактор» снимался с повестки дня. Напротив, он достаточно активно использовался, когда возникала необходимость обозначить свою исключительность во взаимоотношениях в рамках СНГ. Подписывая 9 мая 1996 г. Договор о вечной дружбе, Ислам Каримов и Сулейман Демирель высказали тревогу в отношении имперской политики России. По словам И. Каримова, визит президента С. Демиреля в Ташкент и подписание договора «пришлись на самое подходящее время». Напомним, что накануне, 29 марта и 2 апреля, на территории СНГ возникли два новых межгосударственных объединения, закрепленных Договором об углубленной интеграции между Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Россией, а также Договором о создании Сообщества Белоруссии и России. Оба объединения были оценены президентом И. Каримовым как «завеса, за которой Москва сможет грабить южные государства и навсегда оставить их в бедности». Столь резкие оценки по отношению к России не позволял себе ни один из политических лидеров государств СНГ.

Нельзя сказать, что Узбекистан не поддерживал отношения с Россией. Более того, И. Каримов даже подвергал критике российских журналистов за такие оценки. Во время своего официального визита в мае 2001 г. в Москву он подчеркнул, что у Москвы и Ташкента нет позиций, по которым они бы расходились, но есть вопросы, по которым Узбекистан выступает с самостоятельных позиций. По-видимому, в этой «самостоятельной позиции» и заключается

вся суть. Узбекистан готов «дружить домами», но там, где речь идет об интересах и о коллективной безопасности, дружба заканчивается. Здесь он следует своим национальным интересам. В период 1992–1994 гг., когда формировался новый для региона расклад геополитических сил и происходило становление новых независимых государств ЦА, Россия играла в регионе присутствующую роль. И Узбекистан, взявший на вооружение идеологию Тимуридов и объективно менее подверженный русскому влиянию, не мог не воспользоваться этим благоприятным моментом. В отличие от других постсоветских государств ЦА, «катапультирование в независимость» было воспринято им не только без страха, но и с определенной долей оптимизма.

Только одно обстоятельство омрачало жизнь Ташкента – угроза исламского экстремизма. И когда эта угроза становилась реальностью, отношения Ташкента и Москвы моментально приобретали иные оттенки. Достаточно вспомнить, что первыми свои подписи под Договором о коллективной безопасности поставили в мае 1992 г. Узбекистан и Россия. Правда, до этого, в 1991 г., имели место события в Намангане.

Осенью 1996 г., когда движение «Талибан» захватило Кабул и отбросило правительственные войска Раббани за перевал Саланг, Ташкент, понимая, что в случае прорыва талибами границы без поддержки России он не справится, принял участие в формировании антиталибской коалиции, хотя уже в то время у него была «самостоятельная позиция».

Вполне понятно, почему эта позиция появилась. Апрель 1995 г. стал переломным для отношений между Узбекистаном и США. Узбекистан посетил министр обороны США У. Перри, назвавший эту страну «островом стабильности». Не остались незамеченными в Вашингтоне и другие факты, сигнализирующие о стремлении И. Каримова установить с США основанные на сотрудничестве отношения. Президент Узбекистана единственный из руководителей стран ЦА публично одобрил инициированное Вашингтоном эмбарго против Ирана. Тон официальных заявлений американской администрации по отношению к Узбекистану изменился, она начала выражать большее беспокойство по поводу «стабильности», чем по поводу «демократии» в этой стране. Америка признала Узбекистан региональной державой, и это должно было сигнализировать Рос-

сии, что в скором времени Узбекистан не преминет воспользоваться «самостоятельной позицией».

Так оно и произошло двумя годами позже. Капитуляция подразделений генерала Рашида Дустума перед движением «Талибан» в августе-сентябре 1998 г. привела к краху всей существовавшей на тот момент региональной системы безопасности. Отряды движения «Талибан» вышли на узбекский участок бывшей советско-афганской границы в районе города Термез.

30 ноября 1998 г. И. Каримов выступил с резкими заявлениями в адрес российских спецслужб и Таджикистана, обвинив их в организации мятежа полковника М. Худойбердыева. Весной 1999 г. Ташкент вышел из Договора о коллективной безопасности и стал новым членом ГУАМ. Тем самым Узбекистан давал понять, что в помощи России он больше не нуждается.

Но летом 1999 г. произошли так называемые Баткенские события. Группы боевиков из Исламского движения Узбекистана под руководством Джумы Намангани атаковали с территории Таджикистана горные районы Кыргызстана и стремились прорваться в узбекскую часть Ферганской долины, чтобы поднять там восстание против режима И. Каримова. Угроза была реальной и нужен был лишь удобный повод, чтобы, «сохранив лицо», возобновить военно-техническое сотрудничество с Россией.

И такой повод появился в лице нового президента России В. Путина. Уже в начале 2000 г. в российской прессе начали появляться сообщения, намекающие на некое «стратегическое партнерство» двух стран. В мае В. Путин нанес свой первый официальный визит в Центральную Азию, и нанес он его в Ташкент. На пресс-конференции в Ташкенте Путин заявил, что любая угроза Узбекистану – это угроза России. И. Каримов ответил, что его страна обращается к России за помощью, поскольку Узбекистан не может самостоятельно противостоять враждебным силам. Казалось, отношения между государствами входят в нормальное русло, но вмешались объективные обстоятельства, заставившие Ташкент вновь вспомнить о своей «самостоятельной позиции».

Лето и осень 2000 г. выдались жаркими. В августе боевики Исламского движения Узбекистана атаковали территорию страны, а в сентябре талибы предприняли массированное наступление на позиции Северного альянса и практически вышли к южным границам СНГ. Ташкент, отвергнув идею России о создании коллективных

региональных вооруженных сил, пошел на прямой диалог с талибами. 5 октября новый министр обороны Узбекистана К. Гуломов объявил о сокращении войсковой группировки на границе с той частью Афганистана, которая контролируется талибами, а глава МИД А. Комилов признался, что неоднократно встречался с главой талибов муллой Омаром и его министром иностранных дел муллой Муттавакилем. Сам И. Каримов выступил с заявлением, в котором призвал Россию не пугать Узбекистан и другие страны талибами.

Однако новый год не принес ожидаемой стабилизации в регионе. Напротив, большинством экспертов ситуация в нем оценивалась как нестабильная. Оказалась несостоятельной и ставка на талибов. Весной Северный альянс начал контрнаступление и не только вернул себе утраченные позиции, но и серьезно потеснил движение «Талибан». Более того, международное сообщество пообещало поддержку Северному альянсу, в то время как в отношении талибов еще в декабре Советом Безопасности ООН были введены санкции. Как опытный политик, И. Каримов не мог не почувствовать, что попутные ветры дуют в паруса российской политики в регионе.

На саммите ЦАЭС, прошедшем в рождественские дни 2000 г. в Алма-Ате, он делает очередной реверанс в сторону России. «Стабильность и процветание нашей страны мы тесно увязываем с безопасностью Таджикистана, Казахстана и Киргизии, – заявляет И. Каримов на пресс-конференции по итогам саммита. – С нами великая Россия с огромным потенциалом и доверием, которое мы выражаем ей, а также ее 201-й дивизии, российским пограничникам, охраняющим границы Таджикистана с Афганистаном».

В марте 2001 г. Ташкент посетила представительная военная делегация России, с которой достигается договоренность о поставках в Узбекистан военной техники. В начале мая с государственным визитом Москву посещает И. Каримов. В обращенных к В. Путину словах он подчеркнул: «Центрально-Азиатский регион является южным рубежом России, которая заинтересована в мире и согласии в этом районе. Активность, которую вы проявляете там, полностью поддерживается Ташкентом... В лице России мы имеем не только гаранта безопасности, но и стратегического партнера».

Более того, было решено, что Узбекистан присоединится к «Шанхайской пятерке», которая к этому времени уже существовала как механизм регионального военно-политического сотрудниче-

ва. Через месяц президенты России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана подписали соответствующие документы, и «Шанхайская пятерка» превратилась в ШОС. По воспоминаниям узбекской делегации, в ходе юбилейного саммита ШОС по поводу «стержневой» роли Узбекистана в этой организации было ясно, что «самостоятельной позиции» Ташкента не избежать, тем не менее, включение Узбекистана шестым членом ШОС было чрезвычайно значимым событием для системы коллективной безопасности в регионе. Возможно, грядущей конфронтации и удалось бы избежать, но опять вмешались объективные обстоятельства.

События 11 сентября 2001 г. и начатая США военная операция в Афганистане внесли существенные коррективы в позицию Узбекистана. Он вновь почувствовал свою значимость для США, а следовательно, – возможность использовать их усиливающееся влияние в регионе в собственных интересах. Во имя укрепления своих отношений с США И. Каримов пошел на беспрецедентный для его внешней политики шаг: дал согласие на размещение на территории Узбекистана иностранных воинских формирований. По-видимому, игра стоила свеч, она обещала как политические, так и экономические дивиденды.

Изменение отношения к себе Ташкента Москва почувствовала уже в январе: главу российского МИД приняли там подчеркнуто прохладно. В ответ на предложения дружбы российский министр услышал примерно следующее: «Вечную дружбу в банк не положишь, и проценты по ней не набегают».

В марте 2002 г. во время визита И. Каримова в США две страны подписали Декларацию о стратегическом партнерстве, в которой Узбекистан был назван основным стратегическим партнером США в Центральной Азии. Буквально сразу по возвращении в Ташкент И. Каримов сделал любопытное признание. По его словам, Узбекистан и его народ последние пять лет жили под угрозой вооруженного вторжения талибов и решающую роль в снятии напряженности на южных рубежах Узбекистана сыграли исключительно США, их решимость и хорошо подготовленные вооруженные силы, а не участники Договора о коллективной безопасности в рамках СНГ. Другими словами, Узбекистан окончательно разочаровался в структурах, обеспечивающих коллективную безопасность в регионе. О ДКБ речи нет, Узбекистан вышел из Договора еще в 1999 г.

Другое дело – ШОС. «Самостоятельная позиция» Узбекистана проявилась и во время Санкт-Петербургского саммита, когда остальные члены ШОС готовы были пойти на беспрецедентный шаг и подписать документы без Узбекистана. Совсем не случайно в тексте хартии ШОС оказались и слова о «недопущении любых противоправных действий, направленных против интересов ШОС», а также положение о принятии соответствующих мер воздействия в отношении государства – члена организации, систематически нарушающего требования принятых ею к исполнению документов.

Следующий любопытный шаг был сделан Узбекистаном в отношении ГУУАМ. 14 июня 1999 г. Узбекистан заявил о своем выходе из этой организации ввиду «отсутствия прогресса в ее деятельности». Через неделю Узбекистан вновь продемонстрировал «самостоятельную позицию», заявив, что лишь приостанавливает членство в этой организации. Однако последнее решение, по всей видимости, было принято под диктовку Белого дома. Но андижанские события в мае 2005 г. вновь заставили руководство Узбекистана повернуться к России как к союзнику, поскольку оценка США действий И. Каримова по подавлению восстания в Андижане вынуждала его к этому, и, несмотря на то, что у Москвы накопилось достаточно претензий, узбекский лидер получил безоговорочную поддержку и на этот раз. Хотя можно поспорить с оценкой этих событий, возлагающей всю вину на одну из сторон, представленных в андижанском конфликте. Не сомневаясь в заранее спланированной акции исламских подпольных организаций в Андижане, которые сознательно подстрекали население на противоправные действия, зная о последствиях, вместе с тем следует отметить, что и режим И. Каримова несет немалую долю ответственности за андижанские события, поскольку именно его политика, в первую очередь экономическая, породившая серьезные социально-экономические проблемы в стране – тотальное подавление мелкого и среднего бизнеса, коррупцию, небывалую даже по меркам СНГ, бесправие и обнищание населения, а также отсутствие элементарных свобод и всевластие силовых структур, отвечающих на любые чаяния людей только насильем в крайних формах, не оставляет других форм борьбы, кроме тех, какие мир наблюдал в мае 2005 г. в Андижане. Ведь Каримов давно уничтожил светскую легальную оппозицию, и его главная ставка – силовая составляющая. Поэтому

его режим обречен и, возможно, его падение произойдет раньше, чем нам это представляется. В силу указанных обстоятельств заслуживает ли режим И. Каримова безоговорочной поддержки России и соответствует ли это ее долговременным интересам в регионе?

После распада СССР у каждого из вновь образованных на его обломках государств были в экономике свои плюсы и минусы. Были они и у Узбекистана. С одной стороны, это многочисленное трудолюбивое население (20,7 млн на 1991 г.), неплохой уровень развития промышленности, а также серьезный экспортный потенциал. Это в первую очередь хлопок, который в 1997 г. дал стране 75 % всех ее валютных поступлений, газ из месторождений в Газли, а также резерв на все случаи жизни – Заравшанский горно-металлургический комбинат, который один обеспечивал до половины всего производства золота в СССР (63 т в 1992 г.). С другой стороны, многочисленное население было серьезной проблемой для экономики Узбекистана. Прирост населения в стране достигал 2,5 % в год. Для примера, если в 1976 г. в Узбекистане жило 14,1 млн человек, то к 1991 г. население выросло на 68 % и достигло 20,7 млн человек. Кроме того, в силу специфики узбекской экономики в советские времена Узбекистан, являясь монополистом по хлопку, серьезно зависел от поставок из других районов СССР продовольственного зерна (до 75 % от потребности), нефтепродуктов, машин и оборудования.

Однако в любом случае после 1991 г. Узбекистан обладал одной из самых мощных экономик среди бывших советских республик. И вопрос «что со всем этим делать?» в начале 1990-х гг. остро встал перед Ташкентом. Надо отметить, что хоть и небольшой, но выбор у узбекского руководства был. После начала экономической либерализации в СССР, особенно после сентября 1990 г., Узбекистан, так же как и другие советские республики, захлестнула стихия мелкого предпринимательства. Казалось, что для Узбекистана, где и в советские времена всегда было очень много рынка, вопрос с направлением дальнейшего развития был совершенно ясен. Узбекскому руководству нужно было только организовать и возглавить процесс либерализации, как это произошло в большинстве других стран СНГ. Если кто и был в бывшем СССР готов к рынку, так это, наверное, именно Узбекистан.

Медленно, но верно стихия рынка в стране начала уступать место государственному регулированию. Официальный Ташкент в начале своего независимого пути первым делом начал сворачивать рыночную либерализацию экономической системы в целом. Что же произошло?

Дело, скорее всего, в той самой субъективной роли личности в истории. Президент Узбекистана И. Каримов оказался хорошим хозяйственником советской закалки и наверняка отчетливо видел все риски для Узбекистана в случае продолжения процессов «дикий либерализации». Это обнищание населения, тотальная коррупция, часто грабительская приватизация, а также угроза деиндустриализации страны. Потеря контроля над экономикой могла привести к тому, что Узбекистан мог лишиться того уровня модернизации, который был достигнут за годы советского правления.

Так или иначе, но официальный Ташкент в первой половине 1990-х гг. взял курс на сохранение достигнутых во времена СССР ценностей. А сделать это можно было только с помощью сохранения прежней роли государства в экономике и политике. Необходимо заметить, что результаты, которых вначале добился Ташкент на общем фоне распада советской экономики, были весьма впечатляющими. Например, в 1997 г. ВВП Узбекистана по отношению к 1990 г. составил 90 %, тогда как в России – 59 %, в Казахстане – 62 %, а объем промышленного производства по отношению к тому же 1990 г. в Узбекистане – 112,7 %, в России – 51 %, в Грузии – 23 %.

Благодаря узбекскому руководству Ташкент смог реализовать целый ряд крупных проектов и решить несколько острых проблем. Однако нельзя не сказать о цене вопроса. Проблема заключается не в количестве проектов, не в масштабах строительства и даже не в количестве произведенной продукции. В нормальной экономике речь всегда идет о качестве проектов. В противном случае получается, что ускоренная индустриализация делалась ради самой индустриализации.

В итоге оказалось, что огромные ресурсы были потрачены просто на формирование имиджа государства. Нельзя не отметить, что все попытки создания новых производств в Узбекистане не могут решить проблему излишней рабочей силы. За прошедшие годы независимости в стране добавились миллионы новых рабочих рук.

Остается масштабной безработица. В целом, сохранив все преимущества советской системы организации экономики и общества, Ташкент также сохранил и все ее недостатки. Нельзя сказать, что узбекское руководство не отдавало себе отчет в критическом положении своей экономики. Лишний раз в этом можно было убедиться в период с апреля 2002 г., когда Ташкент объявлял начало процессов валютной либерализации. Манипулирование обменным курсом валюты было одним из методов проведения экономической политики и одновременно способом ее защиты от внешнего влияния. Из-за разницы в курсах валют было практически невозможно оценить эффективность инвестиционных проектов, дать оценку состоянию экономики страны в целом. В то же время это позволяло, не обращая внимания на потребительские интересы населения, концентрировать усилия для реализации важных с точки зрения государства проектов. Однако либерализация валютной политики была одним из главных условий МВФ, одного из основных кредиторов Узбекистана. В апреле было объявлено о либерализации. В обменных пунктах можно было свободно продать доллары по курсу, близкому к курсу черного рынка, но купить доллары было практически невозможно. Причем черный рынок все равно предлагал лучшие условия и, кроме того, там можно было купить доллары. Однако либерализация резко снизила эффективность запретительных мер, а менять доллары на черном рынке стало непросто.

В то же время либерализацию напряженно ждали десятки тысяч мелких предпринимателей по обе стороны границы Узбекистана с Казахстаном и Киргизией. Для Узбекистана ситуация приобрела критический характер, потому что сразу открылись валютные ручейки, которые в обмен на товары текли за границу в Казахстан, Киргизию и далее – в Россию. Точных цифр никто не знает, но, судя по всему, в итоге Ташкент начал сворачивать либерализацию валютной политики. Следовательно, гражданам Узбекистана придется пройти через катастрофическое снижение уровня жизни, разорение и массовое закрытие неэффективных предприятий, далее все по сценарию, который Россия и другие страны СНГ прошли в 1990-х гг.

Узбеки Казахстана. Примерно по этой же схеме хотелось бы рассмотреть и ситуацию с узбеками Казахстана. Узбекская диаспора Казахстана, так же как и казахская Узбекистана, проживает ком-

пактно и населяет в основном пограничные территории. Так, по официальным данным (альтернативные данные просто отсутствуют), из 375 тыс. всей узбекской общины Казахстана 340 тыс. человек, или почти 90 %, населяют Южно-Казахстанскую (ЮКО) и примерно 20 тыс. – Жамбылскую область. Если в общей численности населения Казахстана представители узбекской национальности составляют всего около 2,5 %, то в ЮКО пропорциональность резко меняется и уже достигает 17 % от общей численности населения региона. Однако, так же как и в случае с казахской диаспорой Узбекистана, ни в одном регионе Казахстана узбеки не составляют этнического большинства. Наибольшее количество представителей узбекской диаспоры сосредоточено в Сарыагашском, Туркестанском и Сайрамском районах, а также в городах Шымкент и Туркестан. Узбеки по численности находятся там на втором месте после казахов. Все они сохраняют тесные связи с исторической родиной. Это определяется как на личностном уровне – практически все местные узбеки имеют родственников в Узбекистане и поддерживают с ними тесные контакты, – так и на правительственном – политика официального Ташкента направлена на максимальное сохранение связей с крупными и влиятельными узбекскими диаспорами по всему периметру Узбекистана.

Узбекская община Казахстана, несмотря на объективные трудности переходного периода, коснувшиеся всех казахстанцев, все же смогла относительно безболезненно пережить наиболее тяжелые годы, успешно определила свою нишу на формирующемся региональном рынке труда. Объясняется данный факт традиционной занятостью узбеков в сфере торговли, услуг, а также в сельскохозяйственной сфере (выращивание и реализация овощебахчевых культур, хлопководство и т. д.). Более того, в последние годы узбеки заметно продвинулись в животноводстве, занимая сегодня около 50 % рынка торговли живым скотом в Южно-Казахстанской области. Показателем положения узбекской диаспоры в Казахстане является практически нулевой процент ее репатриации в Узбекистан. Естественно, данный аргумент не может являться единственным или ведущим, особенно учитывая сложную социально-экономическую и политическую ситуацию в Узбекистане.

Понятно, что у казахстанских узбеков, как и у любой другой диаспоры, имеются определенные проблемы. В основном это касает-

ся отсутствия достаточного количества газет и журналов, издаваемых на узбекском языке, недостаточной трансляции телеканалов из Узбекистана и т. д. Позицию узбекской диаспоры Казахстана с точки зрения отношения к государству, власти и другим этносам (прежде всего казахскому) можно охарактеризовать как достаточно лояльную и бесконфликтную. Узбеки, успешно вписавшись в новые условия и заняв свою нишу в экономике региона, сами не заинтересованы портить здесь с кем-либо отношения. Большинство из них искренне считают Казахстан своей родиной и не собираются его покидать.

Проблема заключается в том, что узбекская диаспора может быть «замешана» в разыгрываемых определенными силами комбинациях. Опасность может исходить прежде всего со стороны так называемой антикаримовской оппозиции, особенно ее радикальной части. Для исламистов узбекское население юга Казахстана – прекрасный материал для формирования еще одного очага напряженности для Ташкента. В этой связи казахстанские регионы с узбекским населением представляют потенциальную «зону риска» и для официальной Астаны.

Таким образом, дав краткую характеристику каждой из диаспор и обозначив некоторые, возможно небесспорные, выводы относительно положения казахов в Узбекистане и узбеков в Казахстане, нам остается только сказать: одним из ключевых в контексте отношений двух государств – Казахстана и Узбекистана – является вопрос о том, насколько позитивно и/или негативно можно рассматривать диаспоральный фактор. Вряд ли можно однозначно ответить на данный вопрос. С одной стороны, само по себе наличие данных диаспор не является негативным моментом в казахстанско-узбекистанских отношениях. Более того, при осмысленной политике диаспоры смогут стать именно тем мостиком в двусторонних отношениях, которого недостает вот уже долгое время. Потенциал использования данных диаспор в двусторонних отношениях существует и однозначен.

Совсем недавно Казахстаном и Узбекистаном наконец-то был решен вопрос делимитации границ. Но не меньше проблемных моментов для двусторонних отношений, чем сами границы, содержит ситуация в южных, приграничных с Узбекистаном областях Казахстана. Именно сюда в последние годы устремляется все большее

число незаконных мигрантов из Узбекистана, как, впрочем, и из других центральноазиатских республик.

В целом проблема узбекской нелегальной миграции имеет как минимум три составляющих. Во-первых, это ситуация в Узбекистане, где аграрное перенаселение, значительное ухудшение экономической ситуации и сложнейшая социальная проблема – растущая безработица – приводят к постоянному «выбросу» трудоспособного населения в приграничные регионы Казахстана. Во-вторых, это востребованность дешевой нелегальной рабочей силы непосредственно уже в самом Казахстане, простота и доступность ее использования (достаточно хорошо отлаженная система найма нелегальных мигрантов). И в-третьих, это то, что на уровне межгосударственных отношений Казахстан в настоящее время пытается разобраться с проблемой фактически в одиночку. А ведь намного эффективнее было бы решать вопрос установления контроля над узбекской нелегальщиной в самом Узбекистане или, по крайней мере, с его активным участием. Однако узбекские власти не проявляют достаточного интереса к решению проблемы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, несмотря на действия казахстанской стороны по укреплению границ и вводимые меры по контролю над передвижением иностранных граждан, миграционные потоки продолжают расти. В потенциале своего развития эта проблема в сочетании с порождаемыми ею последствиями способна крайне обострить ситуацию на юге Казахстана и привести к серьезным осложнениям в межгосударственных отношениях. В последние годы здесь расселяется основная масса внутренних экологических мигрантов из зоны Приаралья, а также практически все прибывающие в страну репатрианты (оралманы). Соответственно, дополнительный приток нелегальных мигрантов не может не обострить конкуренцию на рынках труда, жилья и, следовательно, не вызвать недовольство местных жителей. Область торгово-экономического сотрудничества – еще одна составляющая, по которой отношения Казахстана и Узбекистана по целому ряду вопросов далеки от полного взаимопонимания. После 1992 г., когда было зафиксировано наивысшее значение объема двусторонней торговли – 2,6 млрд долларов, взаимный товарооборот начал стремительно снижаться и в 1995 г. составил 423 млн долларов. В 2000 г. этот показатель дошел до отметки всего в 212 млн, а в 2001 г. и того меньше – только

204 млн долларов. В целом за последние девять лет общий объем товарообмена сократился практически в десять раз.

Так, одну из основных проблем в работе с Узбекистаном бизнесмены связывают с неконвертируемостью узбекской валюты. Необходимо сказать, что для Узбекистана это вынужденная мера. Попытка ввести конвертируемость валюты, предпринятая недавно, показала лишь одно – валюта из страны начала утекать широким потоком, и Узбекистан был вынужден отказаться от этой идеи МВФ. Однако именно из-за неконвертируемости узбекской валюты зачастую бывает невозможно вернуть вложенные в экспорт деньги без задействования криминальных структур из системы бартера. В последнем случае найти продукцию, необходимую потребителям первоначальной страны-экспортера, да еще так, чтобы эта продукция входила в список разрешенной к вывозу из Узбекистана, бывает чрезвычайно сложно.

Развитие торговых связей сдерживается и в результате проводимой Узбекистаном политики импортозамещения и защиты внутреннего рынка от наплыва зарубежных товаров, в первую очередь произведенных в соседних странах. И несмотря на то, что в результате переговорного процесса Кабинетом министров Узбекистана в августе 2001 г. был принят нормативный правовой акт, отменяющий введенные двумя годами ранее повышенные таможенные и акцизные сборы на импорт товаров из соседних республик, в том числе из РК, данная мера, если судить по результатам, еще не принесла ощутимых достижений. Естественно, что в результате многочисленных ограничений на официальную торговлю основная часть товарооборота между двумя странами приобрела нелегальный характер. В общем объеме узбекского экспорта в Казахстан от 60 до 70 % занимает реализация природного газа. Однако вопрос поставок узбекского газа давно уже выделился в отдельную составляющую двусторонних отношений. После неоднократных сбоев поставок, ценовых споров и прочих разногласий в 2001 г. стороны попытались найти приемлемое решение проблемы. Национальные компании Казахстана и Узбекистана «КазТрансГаз» и «Узтрансгаз» после погашения казахстанской стороной задолженности узбекским поставщикам за прошлые годы (около 3,5 млн долларов на начало 2001 г.) заключили генеральное соглашение о поставках газа. На основании этого документа узбекская сторона обязалась

ежегодно в течение пяти лет предоставлять Казахстану необходимые объемы газа по договорным ценам. Казахстан, имея определенный негативный опыт, продолжает поиск путей достижения собственной энергетической независимости. Уже идет осуществление проекта по запуску Амангельдинского газового месторождения. Из этих же соображений (снижение зависимости от импортных газовых поставок) осуществляется перевод работы Жамбылской ГРЭС с природного газа на отечественный мазут.

Таким образом, вопрос поставок газа, время от времени превращаясь в рычаг давления, по сути, является палкой о двух концах, причем одинаково «плохих» и «хороших» для обеих сторон. Если действительно решить этот вопрос, то экономические дивиденды получат обе республики. Но если выработанная к настоящему времени «политическая база для экономического диалога» не позволит найти приемлемые варианты выхода из ситуации, то цена вопроса станет примерно такой: Казахстан будет вынужден осуществлять в короткие сроки крупные и, соответственно, обременительные инвестиционные проекты, а Узбекистан поставит под угрозу существенного сокращения основную статью своего экспорта в Казахстан.

Еще одна немаловажная составляющая двусторонних отношений – это проблема транспортного транзита. Узбекистан, являясь внутриконтинентальной страной, в вопросе транспортировки своих грузов сильно зависит от Казахстана, который занимает удобное в географическом плане положение на пути узбекских товаров в Европу, Россию и КНР. Однако, как это ни парадоксально, в отношении организации транзита Казахстан в ущерб своим собственным интересам прибегает к такой же тактике поведения, как и Узбекистан в вопросе поставок газа. Высокие тарифы за транспортировку узбекских грузов по автомобильным и железнодорожным магистралям Казахстана, запрет на движение узбекских поездов и в целом ужесточение условий транзита по казахстанской территории привели к тому, что с конца 1990-х гг. значительная часть узбекского грузопотока была переориентирована на альтернативные транспортные маршруты, в частности через Туркменистан и Каспий. Кроме того, казахстанской стороной было принято решение о выходе из ранее подписанных с Узбекистаном договоренностей о переходе расположенных на территории Казахстана железнодорожных участков Сарыагаш – Ченгельды, Оазис – Бейнеу и Пахтаарал – Джетысай под узбекское управление и контроль.

Следует отметить, что казахские станции Бейнеу и Ченгельды являются северными железнодорожными «воротами» Узбекистана. Ежегодно через эти точки перевозится несколько миллионов тонн узбекских экспортно-импортных и транзитных грузов. По мнению узбекских специалистов, потеря контроля и возможности управления указанными участками приведет к ощутимому увеличению валютных транспортных затрат при реализации внешнеторговых операций резидентов Узбекистана. С другой стороны, если Казахстан откажется предоставлять льготные тарифы на перевозки по этим участкам, то, так же как и Узбекистан в вопросе поставок газа, столкнется с реальной угрозой потери транзитных перевозок.

Если мы выделяем основные сферы взаимодействия Казахстана и Узбекистана, то невозможно обойти вопрос совместного использования трансграничных водных ресурсов бассейна реки Сырдарья. Зачастую подходы к рассмотрению данной проблемы содержат оценки позиций этих стран в разрезе их отношений с Кыргызстаном. Но тем не менее у Астаны и Ташкента есть и свои, сугубо двусторонние точки соприкосновения: сторонами регулярно подписываются соглашения, которые затем с той же самой регулярностью не исполняются. Так, один из проблемных моментов заключается в том, что узбекская сторона фактически в одностороннем порядке регулирует распределение ограниченных объемов воды, сбрасываемых Кыргызстаном. В качестве аргументации действий по сокращению водоподачи узбеками зачастую используется проблема технического состояния ряда водораспределительных каналов, проходящих в основном по территории Казахстана (Зах, Ханым, Большой Келесский). В результате длительной эксплуатации и воздействия природных климатических факторов многочисленные участки каналов как на территории Узбекистана, так и на территории Казахстана действительно находятся в аварийном состоянии. Но, объективно говоря, повод, используемый для сокращения водоподачи, достаточно формален.

Немаловажным фактором является и то, что вода, поступающая в Казахстан с территории Узбекистана, сильно загрязнена и содержит большое количество вредных химических веществ, делающих ее малопригодной для хозяйственного использования. Низкое качество оросительной воды увеличивает необходимые нормы водопотребления, способствует снижению урожайности и качества сельскохозяйственной продукции. В целом же недоподача воды на тер-

риторию Казахстана еще более усугубляет экологическую ситуацию в Приаралье. Усиливаются миграционные потоки в южные области Казахстана, возрастает необходимость обеспечения социальной поддержки вновь прибывшего населения и т. д., что в конечном итоге ложится бременем на государственный бюджет.

В целом же по вопросу совместного использования трансграничных водных ресурсов реально работающего механизма решения проблемы до настоящего времени так и не найдено. Очевидно, что происходит не только накапливание серьезных проблем, но и их углубление и осложнение. Сложившаяся на практике система отношений не позволяет эффективно преодолевать периодически возникающие противоречия. Пока выход из такой ситуации видится обеими сторонами исключительно в приобретении рычагов давления, а в не решении двусторонних проблем.

Заметна роль узбекских общин в Таджикистане, Кыргызстане и Туркменистане. В Таджикистане этнические узбеки составляют 16 % 7,5-миллионного населения страны, и поддержка ими Народного фронта помогла ему выиграть гражданскую войну. Но после подавления мятежа полковника М. Худойбердыева и бегства последнего в Узбекистан позиции узбеков в правящей элите Таджикистана ослабли. Тем не менее их политический потенциал не может быть игнорирован таджикскими властями. К этому следует добавить настроения на севере Таджикистана – в Худжанде – в пользу интеграции с Узбекистаном. В свою очередь, таджики – один из многочисленных народов современного Узбекистана, хотя их численность сильно занижена официальной узбекистанской статистикой, чье руководство с ранних советских времен проводило курс на ассимиляцию национальных меньшинств, в первую очередь таджиков, уйгуров, казахов, киргизов, каракалпаков. Поэтому их численность в Узбекистане сильно занижена. Больше всего пострадали таджики, чьи культурные центры, Бухара и Самарканд, где и поныне преобладает язык таджиков фарси, перешли под контроль Узбекистана. Закрывались таджикские школы, оказывалось административное давление. После провозглашения независимости власти Узбекистана продолжали политику закрытия таджикских школ, минировали границы с Таджикистаном, а в последнее время и с Казахстаном, что привело к немалым жертвам. Известны даже случаи массовой депортации таджиков с узбекско-таджикского пограничья. Типичным проявлением национальной политики властей Узбекистана был опыт «решения» турко-месхетинского вопроса, вы-

лившийся в их массовую резню в Ферганской долине и полный исход из страны. В отношении крымских татар был применен метод выдавливания с угрозой аналогичной резни и экономический шантаж, когда за так называемое «открепление» от узбекистанского гражданства власти требовали деньги от каждой крымско-татарской семьи, заключив предварительный договор с Украиной, которая без «открепления» не давала возвращающимся в Крым татарам права на получение гражданства Украины. Поэтому будущей перспективой общин таджиков, казахов, уйгуров, скорее всего, может быть ассимиляция или эмиграция. Что касается каракалпаков, чей язык очень близок к казахскому, то это единственный из коренных народов Узбекистана, который благодаря наследию советской эпохи имеет в своем составе национально-территориальную автономию – Каракалпакскую автономную республику. Каракалпакия, начиная с 20-х гг. XX в., в процессе большевистского национально-государственного размежевания в ЦА, претерпела неоднократное изменение своего статуса – от автономной области в составе сначала тогда еще Казахской автономной советской республики, затем в составе РСФСР и, наконец, по решению Москвы в начале 30-х гг. становится автономной республикой в составе Узбекистана. Сегодня каракалпаки составляют лишь треть уже менее чем миллионного населения Каракалпакии, примерно в таком же соотношении к ним находятся узбеки и казахи. Среди остальных 10 % населения преобладают русские, туркмены и корейцы. Положение каракалпаков и других народов Каракалпакии усугубляется экологической катастрофой на Аральском море, что поставило эти народы на грань вымирания и породило массовую эмиграцию из республики в Казахстан и Россию.

В Кыргызстане от узбекской общины во многом зависит стабильность страны. Узбеки составляют до 25 % населения Киргизии, а на юге в округе города Оша – большинство. Отношения узбеков и киргизов достаточно напряженные, а недавняя кыргызско-узбекская резня в Оше после свержения режима Бакиева, повторившая аналогичные события 20-летней давности накануне распада СССР, наглядно об этом свидетельствует. Все это накладывает отпечаток на сложные межгосударственные отношения Узбекистана и Кыргызстана. Та же картина в Ташаузской области Туркмении, пограничной с Узбекистаном, где живут несколько сотен тысяч узбеков.

Руководство Узбекистана может попытаться использовать узбекские диаспоры в собственных политических целях. Примеры

этого уже есть. Имеется в виду использование потенциала узбекских диаспор в политике Ташкента в афганском и таджикском конфликтах. Тем более что Узбекистан – единственная страна в Центральной Азии, которая заявляет о неудовлетворенности современными границами в регионе. К тому же угроза для стабильности всех стран ЦА со стороны Узбекистана кроется в его внутренней нестабильности (наглядным примером чего явились андижанские события), поскольку в случае социального взрыва в Узбекистане будет дестабилизирована ситуация во всех странах ЦА. Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о значимости Узбекистана в обеспечении стабильности Центрально-Азиатского региона.

Спасает ситуацию в Узбекистане трудовая эмиграция узбеков в Россию и, в меньшей степени, в Казахстан, когда потенциально «взрывной» человеческий материал (молодежь и мужчины среднего возраста) уходит за пределы страны. В итоге сокращается критическая масса безработных и неустроенных людей в РУ, потенциальной базы для оппозиций разного толка, при этом денежные переводы трудовых мигрантов на родину являются важной составляющей бюджета Узбекистана. Хотя последнее обстоятельство не вызывает положительного отношения к мигрантам со стороны узбекистанских властей, о чем свидетельствует высказывание по этому поводу И. Каримова в 2013 г., которое он дал местной прессе. Не способствуют стабильности в стране и скандалы в правящей элите Узбекистана, в частности в семье президента, связанные с его дочерью Гульнаррой Каримовой, которая осмелилась критиковать одного из «столпов» узбекистанского режима, главу СБУ генерала Р. Иноятова, уже десятилетия возглавляющего органы госбезопасности. Угрозу представляет для Узбекистана и вывод войск стран Запада из Афганистана в ближайшей перспективе и новый приход к власти талибов.

Таджикистан

Таджикистан занимает особое положение в Центральной Азии, что определяется рядом обстоятельств. Во-первых, это единственная страна в регионе, пережившая кровопролитную гражданскую войну, продолжавшуюся на протяжении пяти лет. Но одновременно это и единственная страна в регионе, где после войны вооруженная в прошлом оппозиция по соответствующему соглашению получила представительство в органах исполнительной власти и прежде все-

го в правительстве. Во-вторых, Таджикистан был наименее развитой в экономическом отношении республикой СССР и остается таковой в ЦАР. Более того, в результате гражданской войны страна пережила особенно глубокий экономический кризис, и несмотря на то, что на протяжении всего времени после гражданской войны происходило восстановление народного хозяйства, ВВП Таджикистана в расчете на душу населения – один из самых низких в Центральной Азии. Поскольку страна не располагает крупными месторождениями нефти и газа, а развитие гидроэнергетики требует огромных инвестиций, в ближайшие годы, даже при благоприятных внутренних и внешних условиях, Таджикистан не сможет восстановить докризисный уровень подушевого производства и потребления. Для этого, с учетом роста населения, весь ВВП должен увеличиваться не менее чем на 10 %, что, конечно, крайне маловероятно, хотя и не исключено. Ведь речь идет о восстановлении народного хозяйства, то есть, по крайней мере частично, об использовании бездействующих предприятий и вообще созданных ранее основных фондов в основных отраслях экономики и включении в производство рабочей силы, обладающей известной квалификацией.

Но как бы то ни было, в отличие от Казахстана, Узбекистана, Туркмении и даже Киргизии (также лишенной крупных месторождений нефти и газа), Таджикистан и в обозримом будущем останется в тяжелом положении, а жизненный уровень населения будет гораздо ниже, чем в других государствах ЦАР. Память об ужасах гражданской войны и ее последствиях, усталость и апатия большинства населения стали своеобразным предохранителем от социального взрыва, но с годами эта память слабеет. И если не удастся добиться существенного успеха на пути экономического роста, социально-политическая ситуация в стране вновь резко обострится, ибо люди будут сравнивать свое положение с условиями жизни более «удачливых» соседей. В-третьих, Таджикистан ныне стал гораздо более таджикским, чем до гражданской войны: в 1989–2000 гг. удельный вес таджиков во всем населении республики увеличился с 62 до 80 %, тогда как узбеков и русских – сократился с 23,5 до 15,3 % и с 7,6 до 1,1 % соответственно. Но если при этом число русских совершенно незначительно и среди них велик удельный вес пожилых людей, проживающих в городах, то число

узбеков хотя и сократилось с 1198 до 937 тыс. человек, остается достаточно внушительным. Кроме того, они проживают достаточно компактно в граничащих с Узбекистаном районах. Если же учесть, что сотни тысяч (а может быть, и больше) таджиков живут в Узбекистане, в том числе в крупнейших городах, то становится очевидным, что таджикско-узбекские противоречия остаются важным фактором, препятствующим общественно-политической стабилизации в самом Таджикистане и осложняющим его внешнеполитическое положение. К тому же, поскольку миллионы таджиков и узбеков составляют важный компонент населения Афганистана, это дополнительно обостряет проблему стабилизации внутри- и внешнеполитической ситуации Таджикистана. В-четвертых, указанные обстоятельства на длительное время обуславливают его зависимость от получения экономической помощи и (шире) притока средств извне, а также от политической и военной поддержки, обеспечивающей сохранение носителей внутренней и внешней безопасности в налаживании и развитии связей с теми странами и организациями, которые смогут оказывать ему эту помощь и поддержку. Таково объективное положение, и с ним придется считаться и России при разработке и проведении внешней политики в регионе, в том числе и в отношении Таджикистана.

Каковы же «размеры», или, точнее, масштабы этой зависимости? Прежде всего, Таджикистан успел накопить огромный внешний долг, достигающий более 1,1 млрд долларов, то есть 100 % всего его ВНД (валового национального дохода); ежегодные платежи (обслуживание) по долгу достигают примерно 100 млн долларов. Далее, торговый баланс страны сводится с дефицитом, достигающим 200 млн долларов. Итого, только для покрытия этих необходимых затрат Таджикистан нуждается примерно в 300 млн долларов. Эта сумма составляет до 27 % ВНД. Откуда же берутся необходимые средства? Только в виде официальной помощи развитию в Таджикистан поступает около 140–150 млн долларов. Немало средств поступает неофициальными путями, в том числе в виде переводов от граждан, работающих за границей (например, в России), и доходов от наркотрафика. Эти неофициальные и прямо криминальные доходы составляют, возможно, от 100 до 200 (и более!) млн долларов, и без всех этих поступлений страна попросту не могла бы существовать. Отсюда следует ряд выводов. Во-

первых, Россия не имеет возможности предоставлять Таджикистану такие средства. Следовательно, надо предвидеть, что любое правительство (руководство) Таджикистана (даже самое дружественное России) будет вынуждено просить помощи у международных организаций, а также тех стран Запада и Востока, которые согласятся ассигновывать деньги в виде помощи, прямых и портфельных инвестиций и т. п. Более того, оно, провозглашая на словах борьбу с наркотрафиком, теневыми и криминальными доходами (и кое-что делая для этого), будет закрывать глаза на многие проявления теневого и криминального бизнеса, тем более что коррупция поразила едва ли не все звенья государственного аппарата. В этих условиях России выгодна максимальная диверсифицированность (по странам, организациям и корпорациям) источников средств, поступающих в Таджикистан, ибо только в таком случае эта страна не окажется в «монопольной» зависимости от какой-либо одной страны, организации или корпорации. Во-вторых, Россия может компенсировать недостаток средств и (отчасти) иных рычагов экономического воздействия дальнейшим развитием военно-технических связей. Создание надлежащим образом оформленной военной базы (как это и произошло после визита в октябре 2004 г. президента В. В. Путина), дальнейшая легитимизация сотрудничества в деле охраны границ Таджикистана, совместные действия в борьбе с наркотрафиком – все это может рассматриваться как важнейшая составляющая долговременной политики России в регионе. Конечно, не исключено, что те силы и в Таджикистане, и за его пределами, которые не хотят сохранения российского влияния в стране, со временем будут все более активно выступать против военного присутствия России – в СМИ, в парламенте, и даже организуя массовые выступления под соответствующими лозунгами.

Именно поэтому представляется целесообразным (и даже необходимым) заблаговременно проводить многостороннюю работу по формированию благоприятного образа российских военнослужащих и пограничников. Соответствующие затраты будут сравнительно невелики, но их «упреждающий» эффект может оказаться очень действенным. Материалы такого рода желательно публиковать и озвучивать не только на русском, но и на фарси – языке таджиков, ведь если в 1989 г. русским языком владели около 30,5 %,

то в 2000 г. – только 23,5 % всех таджиков. В этой связи приходится вновь и вновь повторять тезис о необходимости всемерно способствовать не только сохранению, но и распространению русскоязычного образования в школах, университетах, институтах (последних – в интересах формирования русскоязычной элиты и средних городских слоев, бизнес-сообщества и т. д.). В противном случае на смену таджикско-русскому придет таджикско-английское двуязычие. Расходы на содействие расширению сферы употребления русского языка (СМИ, библиотеки, распространение книг на коммерческой, бартерной основах, подготовка кадров преподавателей русского языка), какими бы они ни были, во-первых, гораздо меньше необходимых инвестиций в промышленность, энергетику и смежные отрасли, во-вторых, многократно окупаются и получают отдачу как в политике, так и в экономике, способствуя формированию обширного слоя людей, становящихся в той или иной степени своеобразными «агентами влияния» России.

Нельзя не обратить внимание на положение таджиков – трудовых мигрантов, работающих в России. Возможно, было бы целесообразно совместно с посольством Таджикистана предпринять меры для их социальной защиты – от легитимизации их пребывания в России до соблюдения социального законодательства. Постоянная работа в среде мигрантов позволит отделить наркокурьеров, наркоторговцев, другие криминальные элементы от законопослушных рабочих и бизнесменов. Поскольку самой России (и государству, и крупным предпринимателям) вряд ли под силу крупные и долговременные инвестиции, целесообразно участвовать в создании и функционировании транснациональных компаний – участием не только стран Запада, но и Востока. Такие многонациональные компании могли бы создаваться в добывающей промышленности, энергетике, легкой и пищевой промышленности и т. д. Это способствовало бы укреплению экономических позиций России и одновременно стабилизации социально-экономического и политического положения Таджикистана, что, в конечном счете, было бы в интересах национальной безопасности самой России.

Теперь непосредственно о внешней политике. Таджикистан почти «обречен» на сохранение или даже усиление противоречий с Узбекистаном. Это определяется многими обстоятельствами: наличием в Таджикистане сотен тысяч узбеков, а в Узбекистане –

миллионов таджиков, имеющих длительную историю споров о «национальной принадлежности» таких крупнейших центров, как Бухара и другие города и окружающие их районы; геополитическим соперничеством Узбекистана и Казахстана за лидерство в регионе, в ходе которого Таджикистан может стать объектом давления со стороны Узбекистана; конкуренцией на мировом хлопковом рынке, на котором обе страны стремятся занять более выгодные позиции, найти и защитить свои ниши, используя имеющиеся у них преимущества (например, тонковолокнистые сорта хлопчатника у Таджикистана) и т. п. Разумеется, все это является не фатально неизбежным, но очень вероятным вариантом развития событий в регионе. В таком случае Таджикистан как более слабое государство будет заинтересован в поддержке (защите) своих интересов со стороны России. На случай возникновения подобных ситуаций (обострение таджикско-узбекских отношений и даже кризисов) России необходимо заранее предусмотреть различные варианты выбора таких решений, которые бы обеспечивали ее национальные интересы, ее национальную безопасность. При этом было бы ошибкой заранее принимать чью-либо сторону в любом конфликте. К тому же, возможно, было бы выгоднее выступать в роли медиатора, согласовывающего позиции сторон, не допуская перерастания частных конфликтов в опасные кризисы. Думается, что уже сейчас стоило бы готовить и проводить ситуационные анализы с привлечением специалистов (теоретиков и практиков) по региону и более широкому кругу проблем.

Большая неопределенность сохраняется также и в сфере таджикско-афганских отношений. Что более выгодно для России? Реальная стабилизация и централизация в Афганистане, при которой будут, например, создаваться предпосылки для прокладки газо- и нефтепроводов из Туркмении (и не только Туркмении) через Афганистан в страны Южной Азии, а также сохранение и укрепление позиций таджикских военачальников и гражданских государственных деятелей в правительстве Афганистана? Либо продолжение тенденций, ведущих к децентрализации, упрочению позиций региональных – в том числе таджикских и узбекских – лидеров, контролирующих границу с Таджикистаном? Да и какое развитие событий более реально? От ответа на эти вопросы во многом зависит выработка оптимального курса российской политики, обеспечи-

вающей интересы и национальную безопасность страны. И здесь опять-таки трудно дать ответ, учитывающий заранее развитие событий только в одном направлении – хотя бы потому, что будущее Афганистана потенциально многовариантно с учетом ближайшей и среднесрочной перспективы. К тому же при определенных (хотя и маловероятных) условиях нельзя исключить возрождения идеи создания «Великого Большого Таджикистана» – движения, угрожающего дестабилизацией огромному региону. Населенные таджиками государства (включаяющие все территории, в том числе и Россию, по крайней мере на ближайшие 5–10 лет) заинтересованы (с точки зрения своей национальной безопасности) в сохранении стабильности в ЦАР в целом и в Таджикистане в частности, но нельзя не учитывать, что возможно возникновение ситуаций, кажущихся ныне почти невероятными. Именно поэтому представляется целесообразным заранее предусматривать и просчитывать последствия самых различных вариантов эволюции положения.

Таджикистан занимает уникальное положение в современной Центральной Азии. С одной стороны, он является ключом к «воротам» ЦА с юга, со стороны активного наступления исламского экстремизма (например, движения «Талибан»), с другой – щитом, преграждающим путь этой силе (ее криминальной составляющей) и стоящим за ней более могущественным силам США и Пакистана. В пространственных взаимоотношениях Афганистана и Таджикистана первый занимает более выгодные стратегические позиции, благодаря широкому вклиниванию части северной территории в сопредельное пространство, что, безусловно, усиливает потенциал геостратегической активности на этом направлении.

Наконец, существуют влиятельные силы во внутритаджикской оппозиции, которые не расстались с мыслью о создании «исламского Таджикистана». Все эти факторы указывают на особое место Таджикистана в геостратегии России на центральноазиатском направлении.

Нередко гражданская война в Таджикистане характеризуется как столкновение ленинабадского (худжандского) и кулябского кланов с Гармом, Горным Бадахшаном, то есть как вековая вражда, а не современная политическая борьба. В данном случае более точным было бы определение сложившейся ситуации в Таджикистане как гражданской войны, когда в условиях еще не утвердившегося

суверенитета государства имеет место борьба двух элитных групп за власть или за место в системе власти, а возможно, даже за создание собственного государства.

Конфликт в Таджикистане затрагивал интересы соседних стран, прежде всего Кыргызстана и Узбекистана, что определялось их этническими связями с Таджикистаном. Оппозиция официальной власти шла под лозунгами ислама, хотя по своей сути представляла интересы памирских территорий страны и их элитных групп. Силовое столкновение официальной власти и оппозиции фактически раскололо государство на две части, выводя наружу главный внутренний фактор – нет единства Таджикистана как территории и как общества. Конфликт нашел свое продолжение в соседнем Афганистане, куда устремились беженцы с таджикского Памира, в свою очередь афганские таджики стали оказывать материальную поддержку таджикской оппозиции. Свободный режим на границах бывшего Советского Союза способствовал активизации различных связей между странами и народами, ранее разделенными этими границами. Стало заметно участие различных сил из Пакистана и Ирана в возникшем противостоянии. Это отразилось на общем балансе сил и интересов, активизации внешнего фактора в каждом центральноазиатском государстве.

У стран ЦАР не было национальных вооруженных сил, а сейчас есть, но слабые, поэтому актуально высказывание И. Каримова о том, что если Россия не будет защищать южные границы СНГ и препятствовать проникновению афганских моджахедов и иранских фундаменталистов, ЦА будет поглощена миром ислама, и Россия столкнется с весьма изменчивой стратегической угрозой на своих южных рубежах.

На деле конфликт порожден советской и постсоветской политикой. Центральный вопрос – удержит ли правящая элита советского периода монополию на власть и привилегии, сохраняя многое из советского политического и экономического наследия в постсоветскую эру. В ходе гражданской войны возросло значение региональной идентичности, регионализма как основы поляризации общества.

Гражданская война была фактически клановой, а победа Душанбе не восстановила единства республики. Этнический фактор играл вспомогательную роль в кризисе. Исламский фактор сказался

прежде всего в осознании ислама как краеугольного камня таджикской национальной идентичности. Хотя элементы исламского фундаментализма существуют, неправильно было бы представлять кризис в терминах идеологического сражения между исламизмом и секуляризмом. Неспособность таджикской элиты использовать национализм в должной мере усугубила кризис, ведь региональные (клановые) связи существовали в ЦА повсеместно, не приводя к региональной фрагментации. Отличие Таджикистана – некомпетентность руководства и частично неумение разыграть национальную карту – объясняется тем, что Бухара и Самарканд, символы таджикской национальной гордости, остались за пределами республики. Опасность конфликтов, порожденных межэтническими отношениями, в том, что национализм обеспечивает легитимность государств Центральной Азии, но его не может принять население, не принадлежащее к титульной нации.

Межтаджикский конфликт оказал существенное воздействие на процессы формирования государственных институтов, внутреннюю и внешнюю политику, на экономическую, социальную, культурную составляющие общественной жизни, а также повлиял на общую ситуацию в ЦА и политические процессы в других центральноазиатских странах. Западные и отечественные аналитики выделяют самые различные причины конфликта. Между тем недостаточное внимание уделяется анализу исламского фактора, во многом определившего (безусловно, под влиянием радикальных исламистских течений) ход конфликта. В гражданской войне с обеих сторон принимали участие группы и коалиции групп, связанные узами родства и землячества. Именно они составляли ядро вооруженных формирований не только объединенной таджикской оппозиции, но и самих правительственных войск. Такие группы в Таджикистане именуется авлодами. Поэтому одна из главных социальных задач, которая стоит перед правительством Э. Рахмона, – найти и удержать баланс интересов между авлодами, составляющими костяк социальной структуры современного Таджикистана. Шаги в этом направлении предприняты, оппозиция приглашена к сотрудничеству и совместной работе в структурах власти. Однако необходимы дальнейшие шаги, прежде всего с целью выравнивания соотношения сил в структурах местной власти в соответствии с интересами крупных авлодов.

Российская геостратегия в отношении Таджикистана прежде всего исходит из уникальной роли ЦА как одновременно ключа к

ее «воротам» и «щита» от угроз исламофундаменталистской активности с южного направления. Соответственно, главная задача заключается в том, чтобы укреплять этот щит и не дать возможности воспользоваться «ключом», чтобы открыть «ворота». Важный шаг в этом направлении – укрепление военного российско-таджикского сотрудничества, в том числе через российскую военную базу в Таджикистане. В октябре 2004 г. состоялся официальный визит президента РФ в Таджикистан, результатом которого стало соглашение о передаче в собственность России уникального узла космической разведки «Нурек». Кроме того, планируется два миллиарда долларов российских инвестиций в экономику Таджикистана. Также у России в Таджикистане появилась полноценная военная база, вторая по величине за границей после Севастополя, созданная на базе российской 201-й дивизии. В Душанбе, Курган-Тюбе и Кулябе будут служить 5000 российских военнослужащих.

Вопрос о смягчении и устранении таджикско-узбекских противоречий, обострившихся после того, как представители объединенной таджикской оппозиции были включены в структуры власти, исключительно важен для будущего не только этих стран, но и всего региона. Узбекская сторона опасается влияния исламистов, находящихся в рядах оппозиции. Эти опасения, конечно, не лишены оснований, особенно если учесть перемешивание таджикского и узбекского населения в приграничных районах. 50 млн долларов, кредиты для сельского хозяйства, продовольственная помощь, а также ряд соглашений о долгосрочном стратегическом партнерстве – таков итог первого официального визита президента Таджикистана Э. Рахмона в Вашингтон. Москва, не оказавшая обещанной помощи, осталась за бортом, хотя глава таджикского государства заявлял, что Таджикистан проводит политику «открытых дверей» и собирается сотрудничать со всеми странами, среди которых Россия была и остается стратегическим партнером. Судя по всему, таджикскому лидеру удалось изменить имидж страны, считавшейся вначале горячей точкой, затем перевалочной базой для боевиков, ну и, конечно, транзитной страной для контрабанды наркотиков. По итогам переговоров с президентом Дж. Бушем президенты выступили с совместным заявлением о дальнейшем развитии долгосрочного стратегического партнерства и сотрудничества между народами, основанных на обоюдном стремлении содействовать миру, безопасности, экономическому развитию и демократии в Таджикистане и ЦА. Впервые назначен посол Республики Таджикистан в США и начато строительство нового посольства США в Душанбе.

Америка намерена помочь Таджикистану достичь полного вхождения республики в глобальную экономику, повышения уровня жизни и соблюдения прав человека. Вашингтон также намерен реализовать ряд программ, в том числе предусматривающих обеспечение таджикских школ компьютерами с подключением к Интернету. Американский Корпус мира изучает возможность направления в Таджикистан специальной группы для оценки ситуации на месте. И, конечно же, стороны подтвердили сотрудничество в сфере безопасности. Э. Рахмон выразил опасения в отношении ситуации в Афганистане, которая, по его мнению, далека от стабильной, поскольку международная финансовая помощь так и не дошла до Кабула. Выступая в Вашингтонском университете Центральной Азии и Кавказа, Э. Рахмон напомнил, что точно так же не выполняются обещания и в отношении помощи Таджикистану. Из обещанных республике средств Таджикистан за семь лет не получил ни одного процента. Угроза оборота наркотиков является не меньшей опасностью, чем терроризм, поскольку вырученные деньги направляются на финансирование экстремистских движений. Вопросы военного сотрудничества обсуждались с первым заместителем министра обороны США П. Вулфовицем и госсекретарем К. Пауэллом.

Было подписано соглашение о новом военном сотрудничестве и о реконструкции взлетно-посадочной полосы в Душанбе. После ремонта она сможет принимать тяжелые грузовые и боевые самолеты стран НАТО и ВВС США. Вместе с тем Таджикистан тесно связан с Россией военно-политическими и экономическими соглашениями. Режим Рахмона в последние годы столкнулся с нарастанием оппозиционных настроений, в частности с усилением партий мусульманского толка, выдвинувших своего лидера М. Кабири. Хотя в целом Рахмон контролирует ситуацию в стране, тем не менее ему пришлось в 2013 г. прибегнуть к карательным акциям против местной элиты Горного Бадахшана, где власти Душанбе в ответ на убийство генерала Назарова, представлявшего режим Рахмона на Памире, провели войсковую операцию. Не способствуют стабильности в стране и произошедшие в начале 2014 г. вооруженные столкновения на таджикско-кыргызской границе между пограничниками обеих стран. Вместе с тем Таджикистан имеет огромный внешний долг перед Китаем и вынужден уже сейчас расплачиваться своим суверенитетом, уступив КНР часть Восточного Памира.

Туркменистан

Учитывая небольшое население страны, наделенность природными ресурсами на душу населения здесь следует считать высокой. На этом основаны широко распространенные надежды Туркменистана стать «вторым Кувейтом». Существуют расхождения в оценках общего уровня экономического развития страны. Обычно Туркменистан характеризовался как одна из наименее развитых стран ЦАР, наряду с Таджикистаном и Киргизией. Однако по оценкам международных организаций подушевой ВВП Туркмении в 2001 г. составлял 4580 долларов и был вторым в регионе после Казахстана – 6370 долларов (в России 8660 долларов). Правда, по другим показателям уровня развития (образованности населения, научно-техническому потенциалу и т. п.) отставание Туркмении является существенным. Относительно высокий уровень подушевого ВВП отражает вклад природного фактора, как в некоторых нефтедобывающих странах. Частичное восстановление добычи и экспорта газа в последние три года при очень большой роли газовой промышленности в экономике страны существенно увеличило и объем ВВП.

По характеру проводимых в стране рыночных реформ Туркмения, наряду с Узбекистаном, относится к числу «консерваторов», то есть к странам, проводящим рыночные реформы постепенно, с менее широким и глубоким охватом, с сохранением решающей роли государства в экономике. Делать количественные оценки ведущих экономических показателей в Туркмении труднее, чем в других странах ЦАР, в связи с отсутствием многих статистических данных. Тем не менее общая картина развития событий достаточно ясна.

Ключевые позиции в экономике занимает государство. В государственной собственности находится большая часть инфраструктуры: электроэнергетика, железнодорожный, морской и воздушный транспорт, коммунальное хозяйство, трубопроводы, объекты социальной сферы, а также все крупные и большая часть средних промышленных предприятий, прежде всего в ключевых отраслях: добыча, переработка, транспортировка газа и нефти, производство химикатов, значительная часть текстильной промышленности. В государственной собственности остаются земельные площади под высокотоварными культурами, прежде всего хлопчатником. Таким образом, важнейшие отрасли экономики находятся в собственности государства или под его контролем.

Другая важнейшая область рыночных отношений – ценообразование. Его либерализация, в отличие, например, от Киргизии и Казахстана, осуществлялась медленнее и не охватывала многие области. Помимо традиционных сфер государственного ценового регулирования, таких как продукция естественных монополий и социально значимые виды услуг (просвещение, здравоохранение, квартплата и коммунальные платежи и т. п.), в Туркмении регулировались в разных формах цены на хлопок, базисные виды продовольствия (хлеб, сахар, растительные масла), а также на нефтепродукты. Особенностью Туркмении является бесплатное предоставление газа, электроэнергии и воды для бытовых целей в рамках определенных лимитов. Такая «вызывающе нерыночная» политика в ряде областей должна демонстрировать заботу властей, прежде всего президента страны, о народе, и, судя по всему, это оказывает определенное пропагандистское воздействие на население.

Либерализация цен постепенно прогрессирует, но медленно. Власти боятся выпустить цены из-под контроля, инфляция держится в определенных рамках, но, как всегда бывает в таких случаях, она нередко принимает скрытый характер. Принимаются общие программы развития, которые преимущественно носят идеологически-декларативный характер, но все же в какой-то мере определяют общие направления социально-экономической политики. Сначала была принята программа «Десять лет благополучия», которая в дальнейшем была трансформирована в программу «Десять лет стабильности». Также принимались менее масштабные программы, например трехлетний план социально-экономического развития страны на 1994–1996 гг., в том числе в отдельных областях, например по производству зерна и хлопка.

Еще один из «столпов» рыночной трансформации экономики – механизм регулирования внешнеэкономических отношений – характеризуется в Туркмении половинчатостью и сохранением элементов сильного государственного контроля. Государственная монополия внешней торговли отменена: частные фирмы имеют право выхода на внешние рынки, но принадлежность основных экспортных товаров государству существенно снижает роль частного сектора во внешней торговле. В меньшей степени это сказывается на импорте, особенно непродовольственных, потребительских товаров, но и здесь влияние государства весьма ощутимо, тем более что в его руках имеются и действенные административные рычаги. В то же время рыночные средства внешнеторгового регулирова-

ния – таможенные пошлины, квотирование, лицензирование, многочисленные нетарифные методы регулирования – постепенно приобретают все большее значение, что свидетельствует об определенном прогрессе в этой области.

Валютное регулирование не всеобъемлюще, но достаточно сильно. Введена внешняя обратимость туркменского маната, то есть право иностранного экспортера обменять имеющиеся у него туркменские деньги на обратимую иностранную валюту. Заграничный инвестор также имеет право свободного вывоза за границу полученных прибылей. Что касается внутренней обратимости – возможности импортера или частного лица обменять манаты на обратимую иностранную валюту, – здесь сохранились серьезные ограничения. Поскольку внешнеторговые расчеты осуществляются почти исключительно в иностранных валютах, преимущественно в долларах, валютные ограничения не столь сильно сказываются на иностранных фирмах, ведущих операции с туркменскими компаниями. Денежно-кредитная сфера находится практически под полным контролем государства. Частные банки слабы и не могут оказывать существенного влияния на кредитную политику. Фондовый рынок находится в зачаточном состоянии, что типично для ряда стран ЦАР, хотя и в различной степени.

Предпринимательский класс только начинает формироваться. В своем высшем эшелоне он фактически слился с государственной бюрократией. Фундамент предпринимательского класса представлен широкими слоями мелких торговцев, посредников, владельцев мастерских, самостоятельных работников сферы услуг и т. п. Это слой достаточно многочисленный, но неорганизованный, не выработавший четкой идеологической основы.

Роль государства в Туркмении, которая персонифицируется в неограниченной президентской власти, определяется не только ведущей ролью государственной собственности в экономике и законами, определяющими возможности активного государственного регулирования, но и силой государственного аппарата, организованного в соответствии с жесткими командными, «вождистскими» принципами. В обществе доминируют не правовые, а властные отношения. Поскольку государство концентрирует в своих руках основные товарно-денежные потоки, а наличие в стране газа и нефти дает возможность получать большие доходы, государственная власть оказалась главным распорядителем и контролером материальных и финансовых ресурсов. Учитывая небольшую численность

населения страны, это давало возможность проводить политику государственного патернализма.

Отсутствие многих статистических данных делает крайне сложной оценку экономического развития страны. Тем не менее, по отрывочным и косвенным данным, в Туркмении в первой половине 90-х гг. отмечалось сильное падение промышленного и сельскохозяйственного производства, которое составило 1/3 и 1/4 соответственно. Промышленное производство, как известно, в очень высокой степени зависело от газовой промышленности, которая в это время находилась в довольно тяжелом положении из-за отказа России закупать туркменский газ и неплатежеспособности других основных импортеров – Украины и Грузии. К этому добавлялось влияние других, традиционных для постсоветских республик факторов, связанных с последствиями разрыва прежних отношений в рамках СССР.

Положение начало заметно выправляться примерно с 1999 г., и к 2001 г. Туркмения смогла достигнуть 3/4 прежнего максимального уровня добычи газа и восстановить производство нефти, что сразу же сказалось на состоянии всей экономики. Перспективы в этой области благоприятные. В настоящее время уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, по-видимому, близок к показателям советского периода. Иностранные инвестиции (в основном турецкие, иранские, корейские и японские) и собственные капиталовложения дали возможность построить ряд крупных промышленных предприятий, среди которых следует выделить нефтеперерабатывающий завод в городе Туркменбаши, аэропорт в Ашхабаде, предприятия по переработке хлопка и выпуску готовых текстильных изделий. Удалось наладить собственное производство пшеницы, удовлетворяющее большую часть потребностей страны. Производство хлопка поддерживается на достаточно высоком уровне.

В Туркмении сложился режим личной власти президента С. Ниязова в экстремальной форме культа личности, унаследованный его преемником Г. Бердымухамедовым. Фактически в стране существует единственная партия, во главе которой стоит президент (так называемая Демократическая партия). Остальные партии носят номинальный характер. Оппозиция запрещена и вынуждена эмигрировать или уйти в подполье, независимые средства массовой информации отсутствуют. Политическая система характеризуется полной персонификацией власти в лице президента. Клановость

и коррумпированность существуют во всех властных структурах. Укрепились клановые группировки, близко стоящие к президенту, не терпящему каких-либо раздоров в высших эшелонах власти. В стране нет серьезных сил, которые были бы способны поставить под вопрос существование сложившейся политической системы, а внешний мир до сих пор не слишком активно протестовал против туркменских порядков. Однако подобная система неизбежно порождает присущие ей проблемы: огромное влияние на принимаемые решения субъективного фактора, неопределенность порядка смены власти, растущую критику режима вовне, что неизбежно будет создавать ему дополнительные трудности.

Значительную часть неопределенности при такой роли субъективных факторов преодолеть невозможно. Информационная закрытость Туркменистана предопределила развитие своеобразной практики, при которой любая попытка объективного анализа существующей в республике действительности сталкивается с невозможностью получения достоверных данных. Но, так или иначе, вопрос о реальном положении дел в республике остается открытым. Вместе с тем системный анализ целого ряда событий и положений более объективного происхождения и характера дает достаточно убедительные основания утверждать, что современная ситуация в республике принципиально отличается от той, что была там еще год назад. Именно с этих позиций и должна восприниматься наша попытка разобраться с тем, что же все-таки происходит в Туркменистане.

За последнее время в ситуации внутри и вокруг республики произошли действительно принципиальные изменения. Но прежде чем перейти к разговору об этих новых для Туркменистана реалиях, обозначим, что же там было «до» определенного условного момента. Впрочем, почему «было»? По большей части все это осталось и «после», но с поправкой на те самые принципиальные события.

Вышеозначенные изменения никоим образом не коснулись экономической и социальной сфер развития Туркменистана. Ситуация в них по-прежнему остается сложной. Так, например, нефтегазовая отрасль – основа туркменской экономики – при всем ее бесспорном потенциале по целому ряду технологических параметров находится в предкризисном состоянии. При этом значительная часть так или иначе поступающих в республику средств распределяется среди узкого круга избранных лиц, в числе которых были некогда и те,

кто находится сегодня в оппозиции. Целенаправленный и последовательный курс режима на люмпенизацию, «туркменизацию» (этническое доминирование титульной нации) и гуманитарную деградацию общества привел к тому, что подавляющая часть и без того малочисленного и слабоурбанизированного населения республики находится в состоянии безысходности и аполитичности.

Эти люди не представляют собой действенного социально-политического образования, а следовательно, и реальной угрозы. В лучшем случае они могут быть использованы как своеобразный фон, демонстрирующий внешним и внутренним силам политическую нелегитимность правящего режима, но никак не в качестве движущей революционной силы. Оставшаяся же более активная, но малочисленная часть населения, учитывая ограниченные масштабы внутривнутриполитического «пространства» республики, контролируется силовыми органами посредством жесткой репрессивной политики. Не затронули эти изменения и характерной для Туркменистана авторитарной формы правления со всеми ее специфическими культовыми проявлениями, которые, если отбросить их видимую сторону, являются не чем иным, как попытками президента Г. Бердымухамедова утвердить (легитимизировать) себя в качестве «традиционного» лидера восточного общества. Попытки, заметим, заведомо неудачные, даже при всех имеющихся в Туркменистане благоприятных условиях и предпосылках патерналистского толка. Попытки эти неудачные в первую очередь потому, что, получив все положенные в таких случаях привилегии и «дивиденды» и даже сверх того, верховная власть не стала для своих граждан гарантом безопасности, стабильности и процветания, локомотивом общенационального развития. То есть не выполнила соответствующих обязательств, подразумеваемых в таких случаях негласным соглашением между элитой и обществом, как это, например, было сделано в некоторых арабских странах.

Внешилополитическая ориентация. Главной задачей правящих кругов Туркмении является упрочение полученной независимости, создание достаточно развитой устойчивой экономики, достижение внешнеполитической стабильности. Туркмения провозгласила постоянный нейтралитет и получила этот статус на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Важнейшие интересы Туркмении лежат в сфере отношений с ее соседями: Россией, Ираном, Афганистаном, странами ЦАР, а также с Турцией, КНР и США.

Как бы банально это уже ни звучало применительно к республикам ЦА, но одно из определяющих влияний на новый «туркмен-

ский» расклад оказали события 11 сентября 2001 г. в США. Вернее, последовавшая за ними антитеррористическая операция в Афганистане, одним из явных результатов которой стали геополитические изменения в ЦАР в целом и вокруг Республики Туркменистан в частности. Изменения в устоявшемся за последние десять лет вокруг республики геополитическом раскладе перекрывают официальному Ашхабаду возможность легкого лавирования между присутствующими в регионе центрами силы. Прежде Туркменистан как бы находился в своеобразном геополитическом вакууме, что позволяло первому президенту Сапармураду Ниязову без каких-либо серьезных последствий игнорировать внешнее влияние и заниматься своими собственными делами.

В регионе заметно возросло присутствие США, логично предполагающее и более активную политику по отношению к Туркменистану. Для США усиление позиций в республике, вплоть до непосредственного военно-политического присутствия, является не просто пропагандистской демонстрацией силы и пополнением «букета» из военных баз в регионе. Это также веское основание для непосредственного участия в решении вопросов по Каспию. Это «рассечение» потенциальной геополитической оси Москва – Тегеран. Это, как и в случае с КНР, расположение вооруженных сил у самых границ Ирана, сигнал, который должен быть понят однозначно. Так что определенная значимость республики в региональном масштабе хоть и должна оцениваться более чем адекватно, но и недооценивать ее тоже не следует. Естественно, что подобная перспектива предполагает активное противодействие США со стороны того же Ирана и даже России, на первый взгляд, вроде бы смилившейся с форсированным американским присутствием, но имеющей в Туркменистане и на Каспии серьезные интересы. Заметную роль в этом случае играет Турция, которая давно имеет в республике широкие и весьма своеобразные интересы. Именно Турция может стать там проводником американского влияния на первых порах.

Для Туркменистана же это означает, что если раньше местная власть играла на внешних противоречиях, то теперь обострившиеся противоречия будут играть властью, кто бы при ней в этот момент ни находился. И закрепленный ООН пресловутый нейтралитет здесь не поможет, тем более что в СМИ в качестве пробного шара уже запущена идея о лишении республики этого статуса. Не поможет и отсутствие зависимости от международных финансовых ин-

ституты вроде МВФ, и то обстоятельство, что Западу не было дано обязательство развиваться по «пути рыночных реформ и демократических преобразований». Дискредитирующие Туркменистан в глазах мирового сообщества связи с талибами, возможное участие в международном наркотрафике, отмывание нелегальных денег, нежелание играть по правилам антитеррористической кампании – этого достаточно, чтобы основательно «прижать» любой режим вплоть до прямого вмешательства во внутренние дела. И пусть влияние внешнего фактора на внутритуркменский властный расклад пока еще не так заметно, тем не менее перспективная значимость его очевидна. История показала, чем чревато для закрытых кланово-олигархических режимов внешнее воздействие. Этим объясняется активизация Г. Бердымухамедова на внешнеполитическом поле: двух- и многосторонние контакты, участие в работе региональных структур, намеки на возможное осложнение обстановки на Каспии. Однако маневрировать стало сложнее, и поддерживать заинтересованность в себе внешних игроков приходится постоянно и все более убедительно.

В своей внешней политике Туркмения стремится «не класть все яйца в одну корзину», то есть не ориентироваться преимущественно на какую-то одну страну. Она пытается везде «сохранять дистанцию». К сожалению, это нередко приводит к неконструктивной позиции Туркмении в рамках СНГ, где она обычно не участвует в совместных акциях, стремится дистанцироваться от деятельности этой организации, не желает установления более тесных связей с Россией. В какой-то мере это характерно и для ее политики в отношении Турции и особенно Ирана – соседа, обладающего большим военным, экономическим потенциалом и «идеологическим динамизмом». Туркменские власти ни с кем не хотят ссориться, но и ни с кем не хотят близко дружить.

В российской политике по отношению к Туркмении, по нашему мнению, следует сосредоточить внимание на следующих моментах. Наибольшее значение для России будут иметь экономические отношения, учитывая прежде всего потенциальную российскую заинтересованность в крупномасштабных закупках туркменского газа к концу текущего десятилетия, а также другие сферы экономического сотрудничества. Целесообразно достижение компромисса с туркменской стороной по цене газа, строительству новых газопроводов и использованию российской газопроводной сети.

Активные двусторонние экономические связи будут фактором, противодействующим ухудшению двусторонних отношений в случае неблагоприятного влияния идеологических и политических моментов на эти отношения, а также последствий смены политического руководства в Туркмении, которое когда-нибудь (и, возможно, достаточно скоро) произойдет уже по естественным причинам. Известное безразличие мирового сообщества, в том числе России, к крайней недемократичности режима личной власти Г. Бердымухамедова после недавних событий в Туркмении, вероятно, сменится резкой критикой этого режима. Хотя даже притеснения русского населения Туркменистана правящим в этой стране режимом, выразившиеся в отмене института двойного российско-туркменского гражданства, запрещении продажи своих квартир в случае выезда из страны, закрытии школ на русском языке, не вызвали протеста российских властей, которые по сути принесли в жертву своих соплеменников в угоду экономике. Режим Бердымухамедова поспешил дезавуировать одиозные мероприятия своего предшественника, делавшие страну посмешищем в глазах мирового сообщества, что выразилось в восстановлении деятельности Академии наук, театров, попытках возрождения медицинского обслуживания в глубинке. Вместе с тем власти продолжают вмешиваться даже в сферу личной, интимной жизни своих граждан. Например, иностранец, желающий жениться на гражданке Туркменистана, должен заплатить его властям 50 тыс. долларов США. Вместе с тем туркменские власти в последние годы стали проводить более решительную борьбу с распространением наркотиков и добились определенных успехов.

Дестабилизация политической ситуации в Туркмении может иметь негативные последствия для России, и при определенном развитии событий это может превратиться в угрозу экономической и политической безопасности России. Поэтому она не в интересах нашей страны, если, конечно, Г. Бердымухамедов будет вести в целом лояльную по отношению к РФ политику. Большое значение для определения нашей позиции будет также иметь отношение к России оппозиционных Бердымухамедову движений, если они приобретут силу и станут реальными претендентами на власть.

Кыргызстан

Для того чтобы наметить варианты развития Кыргызстана и, соответственно, оптимальную стратегию и тактику России по отноше-

нию к этой стране, целесообразно в сжатой форме охарактеризовать ее положение.

Киргизия – сравнительно небольшое (по территории и населению) государство, расположенное едва ли не в центре Евразии, точнее – на восточной периферии ЦА. Киргизия, так же как и другие страны ЦА, лишена прямого доступа к морям и океанам (Казахстан и Туркмения выходят к внутреннему морю, Каспийскому, но не к мировому океану). Подобное территориальное расположение Киргизии во многом предопределяет ее особое отношение к проблеме всестороннего развития системы внутренних и внешних коммуникаций в Евразии и стремление найти свое место, желательное – в качестве одного из ее центров. Тот факт, что сравнительно небольшое государство граничит или находится вблизи от гораздо более крупных и мощных соседей, по существу предопределяет стремление руководства страны к налаживанию конструктивных, партнерских, а по возможности и дружественных отношений как с великими державами (Россия, КНР, США), так и с региональными центрами силы (Узбекистан, Казахстан, Иран, Турция). При этом представители киргизской элиты отчетливо сознают, что в современном мире, несмотря на формальное признание равноправия всех государств в рамках ООН и других международных организаций, экономическая мощь и военная сила в конечном счете играют решающую роль в системе международных экономических и политических отношений. Это обстоятельство способствует проведению киргизским руководством прагматического курса во внешней политике страны.

Вместе с тем этот курс отличается рядом особенностей, объясняющихся направлением, характером и масштабами реформ, проводящихся в Киргизии после ее вступления на путь независимого развития. Киргизия с самого начала реформ избрала вариант если не «шоковой терапии», то, во всяком случае, по возможности быстрого ее проведения как в экономике, так и в политике. И эти реформы не только не увенчались теми благоприятными достижениями, которых ожидали в начале их проведения, но в итоге привели в начале 2005 г. к падению режима президента А. Акаева, хотя Киргизия в глазах демократической общественности и среди государственных деятелей Запада считалась при Акаеве «оазисом демократии», окруженным соседями с гораздо более авторитарными режимами. Это во многом объясняет нынешнюю крайне

противоречивую и неустойчивую ситуацию в экономике и политике страны.

В 1996 г. начался второй этап приватизации. Приватизируются средние и некоторые крупные предприятия, занимающие монопольное положение в экономике, проводятся мероприятия по реструктуризации и ликвидации неплатежеспособных предприятий, внедряются более эффективные методы управления государственной собственностью, снижается инфляция, были достигнуты заметные успехи в привлечении иностранных инвесторов. В целом этот этап характеризуется внедрением основных рыночных механизмов и достижение макроэкономической стабильности. Однако через непродолжительное время (к концу года) резко падает курс сома (денежная единица Киргизии) по отношению к доллару. Причинами этого стали постоянный дефицит бюджета, нарастание бюджетной задолженности по выплатам зарплат, пенсий и других платежей. Принятое политическое решение выплатить значительную часть этой задолженности привело к нарушению с трудом поддерживаемого равновесия на валютном рынке. Далее – обвальное падение национальной валюты, реальные доходы населения снижаются, сокращается доля сбережений (банковские вклады) и ценных бумаг. Существенный источник финансирования бюджетного дефицита – рынок казначейских векселей – в Киргизии играет незначительную роль, финансирование в этой сфере недостаточно для ее развития. Применение рыночных методов тормозится низким уровнем денежных доходов.

Положение усугублялось в связи с ростом противоречий между Верховным Советом и президентом страны А. А. Акаевым. Большинство в Верховном Совете препятствовало проведению реформ, указывая на их серьезные недостатки, ошибки в приватизации и обусловленное этим ухудшение благосостояния населения. Вновь созданные партии проявляли колебания в том, какую сторону им поддержать. На парламентских выборах 1994 г. коммунистам удалось сохранить сильную фракцию в новом составе Верховного Совета. По утверждениям западных наблюдателей, на этих и президентских выборах 1995 г. были допущены многочисленные нарушения, что отрицательно сказалось на репутации А. Акаева как приверженца демократических преобразований. Кризис стал катализатором роста социальной и межэтнической напряженности, которая, в свою очередь, создала угрозу для осуществления планов

преодоления кризиса на путях продолжения реформ и повлияла на их характер и темпы.

Стремясь улучшить свое экономическое положение, Киргизия без согласования с другими членами Таможенного союза вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО), что противоречит договоренностям в рамках Таможенного союза (главный минус этой акции заключается в следующем: в ходе переговоров с руководящими органами ВТО и выторговывания уступок уровень тарифов и нетарифных барьеров по отношению к странам дальнего зарубежья у различных стран СНГ, естественно, оказывается разным, что противоречит идее Таможенного союза, который как раз предполагает согласие и унификацию доверия уровня защитных барьеров и проведение единой внешнеторговой политики государств – членов СНГ).

Процесс проведения реформ в Киргизии характеризуется существенным сокращением удельного веса занятых в промышленности и строительстве, возрастанием удельной занятости в аграрном секторе. Проведенные преобразования дают основания некоторым исследователям охарактеризовать складывающийся в Киргизии тип индустриального развития (в рамках сохраняющегося аграрно-индустриального) как аграрно-сервисный.

Переходя к оценке этой ситуации, отметим, что на нее накладывает отпечаток объективное положение с природными ресурсами. Дело в том, что в Киргизии, в отличие от Казахстана, Туркмении и Узбекистана, нет сколько-нибудь крупных месторождений нефти, газа или угля, и страна не только не получает доходов от экспорта энергоносителей, но и вынуждена оплачивать их импорт из Узбекистана, Казахстана и других государств. Что касается других составляющих ее экспортного потенциала, то к их числу относятся прежде всего золото, разрабатываемое на месторождении Кумтор (до 10 т в год), а также сельскохозяйственное сырье и продовольствие, некоторые виды минерального сырья и потенциально огромные водные ресурсы, которые в условиях рыночной экономики могли бы в перспективе сбалансировать расходы по импорту энергоносителей. Однако и ныне, и в ближайшей перспективе куда более крупные и сильные соседние государства – пользователи этих водных ресурсов вряд ли согласятся их оплачивать. Что касается золота, то его экспорт обеспечивает весьма значительную (возможно, до 30–40 %) часть доходов от внешней торговли, но не отличается особой устойчивостью. Это показывает как недавняя техно-

генная катастрофа в районе Кумтора, так и разнонаправленная динамика цен на золото в последнее десятилетие.

В то же время потребности в импорте энергоносителей, промышленных, потребительских товаров, оборудования остаются если не неизменными, то, во всяком случае, объективно необходимыми. Вот почему торговый баланс Киргизии на протяжении 90-х гг. сводился с постоянным дефицитом. Этот дефицит был бы еще более значительным, если бы через Киргизию не шли транзитом крупные поставки в КНР металлов и других товаров, в том числе и контрабандой. Поскольку промышленность Киргизии, созданная в советские годы, большей частью обеспечивала потребности ВПК, ее кризис в новых условиях оказался особенно глубоким и продолжительным. Да и другие предприятия не выдерживали конкуренции, связанной с наплывом дешевых китайских, турецких и других товаров. В итоге усиливалась зависимость страны от импорта не только инвестиционных, но и потребительских товаров самого разного назначения. Таким образом, и сейчас, и в ближайшие годы Киргизии вряд ли удастся избавиться от дефицита торгового баланса. А это, в свою очередь, означает, что страна по-прежнему будет зависеть от получения средств извне, будь то помощь или иностранные инвестиции. В этом отношении Киргизия резко выделяется среди всех стран ЦА. И если в Таджикистане, экономика которого наиболее пострадала от гражданской войны и экономического кризиса, поступления в виде официальной помощи развитию составляют 6–7 % его ВВП, то в Киргизии этот показатель достигает 20–22 %. Это означает, что только официальная помощь по линии международных организаций и ведущих стран Запада обеспечивает около 1/5 долларowego эквивалента ВВП Киргизии, подсчитанной по текущему обменному курсу. Точно так же и по размерам помощи в расчете на душу населения Киргизия вдвое превосходит Таджикистан, не говоря уже о других странах ЦАР. Отсюда следует важнейший вывод: Киргизия в среднесрочной перспективе по-прежнему будет зависеть от поступления средств от стран Запада и международных организаций. Россия, со своей стороны, не сможет в среднесрочной перспективе обеспечить потребности Киргизии в получении необходимой ей помощи и инвестиций. Следовательно, РФ придется считаться с тем, что руководство Киргизии будет стремиться расширять свои связи с Западом, хотя бы с целью привлечения необходимых средств, без которых окажется невозможным нормальное функционирование

экономики, станет почти неизбежным новый социальный взрыв, подобный событиям 2005 г. Более того, Россия прямо заинтересована в том, чтобы Киргизия и впредь получала помощь и инвестиции от стран Запада, Японии, Китая и т. п., и чтобы эта помощь и инвестиции не были «монополизированы» какой-нибудь одной страной или небольшой группой стран, а напротив, оказались максимально рассредоточенными по странам и континентам.

Помощь из-за границы, преимущественно от либерально-демократических стран Запада, поступала в Киргизию во многом потому, что она представляла в виде оазиса демократии. Это понимает киргизское руководство, и поэтому оно будет стремиться по возможности сохранять этот образ и в будущем, обеспечивая функционирование демократических структур, элементов общественного и политического плюрализма, в чем, разумеется, заинтересована и Россия.

Общее положение в стране в среднесрочной перспективе еще не обретет необходимую устойчивость. Ведь к 2003 г. производство ВВП на душу населения не превышало 60–65 % от максимального докризисного уровня, продолжается сокращение занятости в производстве во многих отраслях обрабатывающей промышленности, контрабанда и наркотрафик деформируют и разлагают основные институты рыночной экономики, криминализируют общественно-политическую жизнь и государственные структуры. Уровень жизни населения по-прежнему остается сравнительно низким, бедность и нищета присущи 35–40 % населения страны, что побуждает население к экономической эмиграции, в основном в Россию и Казахстан. Сегодня киргизская диаспора в России насчитывает 300 тыс. человек, а в Казахстане – 100 тыс.

Вместе с тем развивается сельское хозяйство, расширяется сфера действия мелкого бизнеса, да и всего третичного сектора экономики. В результате разгосударствления и приватизации значительное большинство населения трудится в условиях рыночной экономики, постепенно постигая законы, проблемы и противоречия ее функционирования. Киргизия, в отличие от Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, в основном обеспечивает потребности населения в продуктах питания за счет внутреннего производства. Можно полагать, что сельское хозяйство, где проведены наиболее радикальные преобразования (по сравнению с другими государствами СНГ), в ближайшие годы будет наращивать производство продовольственных и технических культур, что будет продолжать-

ся восстановительный процесс и в животноводстве. Иными словами, угрозы голода в Киргизии нет, хотя это не предотвращает возникновения социальных волнений в городе и деревне.

Перед новым правительством стояли тогда сложные задачи. Дальнейшая ситуация в стране во многом зависела от взаимопонимания ее лидеров К. Бакиева – выходца с юга и Ф. Кулова – уроженца севера, представители которого весь советский период и до падения Акаева были первыми лицами в Кыргызстане. Весьма значимым был и внешний фактор. Озвученные в то время еще до выборов пророссийские симпатии К. Бакиева и вопрос о конкретных сроках пребывания военных баз США в стране, казалось бы, определяли внешнеполитический курс Кыргызстана на ближайшие годы.

Но было бы неправильно недооценивать влияние США и КНР в регионе, хотя Китай как никто заинтересован в ликвидации американского военного присутствия в Киргизии. Не считаться с американцами руководством Кыргызстана невозможно. Киргизия, поддержавшая на саммите ШОС в Астане идею постепенного вывода баз США из ЦА, после визита в Бишкек министра обороны США Д. Рамсфельда согласилась на размещение у себя выводимой из Узбекистана в связи с андижанскими событиями группировки ВВС США. Здесь многое зависит от того, насколько эффективно сможет воспользоваться Россия складывающейся пока для нее благоприятно военно-политической ситуацией и оправдать надежды как пророссийских правящих кругов, так и широких слоев киргизского народа, в целом симпатизирующего нашей стране.

Нынешний, в основном благоприятный для России внешнеполитический курс Киргизии во многом определяется позицией нового руководства страны, пришедшего к власти после свержения президента К. Бакиева. Для такого выбора есть объективные причины. Киргизия опасается чрезмерного усиления Узбекистана, руководство которого претендует на роль регионального лидера, и крайне заинтересована в поддержке как со стороны регионального соперника Узбекистана – Казахстана, так и России. Киргизия не только опасается политических претензий Узбекистана, но и чрезвычайно болезненно ощущает свою экономическую зависимость от него, например в сфере газоснабжения. Узбекистан в последние годы не раз временно прекращал подачу газа, мотивируя это как экономическими (неплатежи), так и техническими причинами. И каждый раз киргизское руководство было вынуждено удовлетворять требо-

вания сильного соседа или просить об отсрочке платежей, смягчении условий, выдвигаемых Узбекистаном, и т. д. Все это вновь и вновь показывало, что Киргизия нуждается в поддержке, преимущественно со стороны России и Казахстана. Немалое значение имеет и тот факт, что узбеки ныне составляют наиболее значительное меньшинство населения Киргизии. Если в 1989 г. большинство составляли русские (21,5 %), а удельный вес узбеков не превышал 12,9 %, то уже в 1999 г. положение радикально изменилось, поскольку удельный вес русских снизился до 12,5 %, а узбеков, наоборот, увеличился до 25 %. К тому же, в отличие от русских, узбеки компактно проживают в Оше, Желлалабаде и сельских районах, граничащих с Узбекистаном. Последние события, приведшие после свержения Бакиева к крупному межнациональному конфликту в Ошской области, к погромам и резне узбекского населения, едва не привели к военному конфликту с Узбекистаном. Все это порождает опасения, неуверенность и стремление заручиться поддержкой бывшего «старшего брата», а теперь и России.

Начало экономического возрождения России и укрепление ее позиций в мире также способствуют стремлению к развитию киргизско-российских связей: экономических, политических и военно-технических.

Не повторяясь и не касаясь хорошо известных фактов, хотелось бы отметить следующее: во-первых, отток славянского населения из Киргизии будет, очевидно, продолжаться по экономическим, политическим и иным причинам. Это касается не только русских: в настоящее время за пределами страны (главным образом в России) трудятся сотни тысяч киргизов и узбеков из Кыргызстана, причем эта миграция захватывает не столько горожан, сколько жителей сельских районов Киргизии. При этом уезжают, как правило, наиболее активные, образованные и трудолюбивые люди, а остаются старики, пожилые люди, которым некуда ехать и кто не может рассчитывать на хорошую работу в России. Все это следует учитывать с точки зрения перспективы. Если же говорить об интересах России, то постепенная (не взрывная) иммиграция русских и русскоязычных полезна и даже необходима. Опасна только внезапная, массовая, вынужденная эмиграция, бегство от погромов, военных действий, преследований и т. д., как это и произошло с узбеками Ошской области, когда большая часть мигрантов после погромов ушли не в Узбекистан, а в Россию. В интересах России поддержание устойчивого экономического развития Киргизии, сохра-

нение социально-политической устойчивости и хороших межнациональных отношений. Интересно, что во время погромов в Оше только слух о возможности введения российских войск заставил погромщиков сразу же прекратить резню узбекского населения, а когда через несколько дней стало ясно, что Россия не вмешается, погромы возобновились. Далее, поскольку Россия не сможет в ближайшем будущем выделять Киргизии крупные средства, необходимо сделать все, что возможно и не требует больших расходов, и в первую очередь это касается сохраняющегося в кыргызских городах двуязычия. В 1989 г. среди всех кыргызов в возрасте старше 15 лет 37,2 % владели русским языком, а в 1999 г. аналогичный показатель снизился до 35,2 %. На первый взгляд разница невелика, но за ней прослеживается опасная тенденция. Если раньше во всех школах учили русский язык, то сейчас положение меняется: теперь дети кыргызской политической и экономической элиты могут выбирать между изучением русского и английского языка, а по мере старения русского населения будет ухудшаться и положение с преподавателями русского языка в школах.

В сфере высшего образования прослеживаются еще более значительные изменения: расширяется изучение не только английского, но и турецкого языка. В этих условиях, пока еще не поздно, необходимо всячески способствовать сохранению фактического (русско-кыргызского) двуязычия, для чего требуется не так уж много. Речь идет о направлении в Киргизию учебной и научной литературы, облегчении доступа к российским газетам и журналам. В интересах России возродить на новой основе практику обучения в российских институтах кыргызских юношей и девушек, регулярное командирование преподавателей из России. Все это окупится сторицей. Уже сейчас можно наблюдать явный поворот в сторону России у тех, кто еще недавно мечтал о получении образования в Турции или на Западе. Подводя итог, можно сказать, что вложения во все, что способствует распространению русского языка, могут дать, пожалуй, наибольший эффект.

Что касается внешней политики, то здесь России целесообразно поддерживать развитие многосторонних связей между Киргизией, Казахстаном и Таджикистаном (ибо в конечном счете это будет способствовать поддержанию баланса сил в регионе) и стараться не допускать доминирования какой-либо страны. Все эти государства стремятся (хотя и в неодинаковой степени) к либерализации внешней торговли (Киргизия – член ВТО), борьбе с радикальными ис-

ламскими движениями (в Таджикистане исламская оппозиция легитимизирована и перестала открыто исповедовать радикальные идеи, а также использовать крайние методы политической борьбы), распространением наркотиков и т. д. Конечно, полная победа здесь невозможна, но в интересах России всячески поддерживать коллективные усилия, направленные на всемерное ограничение выращивания (например, в Чуйской долине) и транспортировки наркотиков в Россию или через территорию России и т. д.

Особое место принадлежит военно-техническому сотрудничеству между Россией и Киргизией. Представляется целесообразным не только размещение антитеррористического центра в Бишкеке или авиационной группы, но и подготовка условий для создания военной базы складирования вооружений, которые могли бы быть использованы в случае возникновения угрозы миру в регионе.

Есть надежда, что в ближайшем будущем Россия значительно усилит свои позиции в ЦА, о чем свидетельствует переброска из России в Киргизию фронтовой и военно-транспортной авиации в составе двух десятков самолетов (Су-25, Су-27, Ил-76 и Ан-26, а также учебно-тренировочные самолеты Л-39).

Выбор аэродрома Кант не случаен: он расположен в 14 км восточнее Бишкека и на 600 км ближе к России, чем Душанбе, где базируются ВВС РФ. Это дает возможность усилить группировку без промежуточных посадок на аэродромах центральноазиатских государств СНГ. Первая площадка, пригодная для развертывания боевых самолетов, международный аэропорт Манас, пока занята европейским контингентом, обеспечивающим авиационную поддержку коалиционным войскам в Афганистане. Таким образом, Киргизия стала второй после Грузии страной Содружества, где бок о бок расквартированы как российские, так и натовские военные. Эксперты обращают внимание на тот факт, что технические характеристики стратегических бомбардировщиков позволяют им летать почти над всей территорией Афганистана, значительной частью Пакистана и даже достигать северных районов Индии и северо-западных провинций Китая. Существующая российская база в Душанбе позволяет ВВС России перекрывать практически все взрывоопасные районы Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана.

Чем же объясняется оказание военной помощи Киргизии? Ведь эта страна не является сильным и перспективным партнером в ЦА, о чем, например, свидетельствуют экономические показатели, бо-

левой точкой остается и задолженность Киргизии, достигающая сотен миллионов долларов. Поддержка объясняется не только и не столько двусторонними отношениями, но и тем, что здесь превалирует внешний фактор, который и является определяющим. Затянувшееся базирование в ЦА натовских военных из состава антитеррористической коалиции значительно уменьшило влияние России в регионе. И помощь, оказываемая Киргизии, – это прежде всего попытка восстановить пошатнувшийся статус-кво.

Что касается американо-натовского военного присутствия в Киргизии (базирование в Бишкеке военной авиации), то его продолжительность будет зависеть не только от ситуации в Афганистане но и от позиции нового киргизского руководства. Если задача полного разгрома и уничтожения остатков инфраструктуры «Аль-Каиды» и талибов будет решена в течение 2–3 лет, обстановка в стране стабилизируется и позиции правительства Х. Карзая укрепятся, то и интерес НАТО к ЦА, в том числе и к Киргизии, может измениться, а американские самолеты смогут вернуться в места своего постоянного базирования. В противном случае, например при возникновении угрозы дестабилизации обстановки в регионе, скажем, в Туркмении, самолеты НАТО могут остаться на своей базе в Бишкеке. Кыргызские власти до смены режимов Акаева и Бакиева относились к существованию базы в целом положительно, поскольку получали и получают ежегодно до 200 млн долларов в виде различных платежей. Сейчас, хотя ситуация кардинально и не меняется, несмотря на известные заявления нового киргизского руководства, все же заметно, что оно вынуждено предпринимать определенные шаги в этом направлении. Представляет ли эта база угрозу для России? Скорее всего, нет, и вот почему: если у киргизского правительства получено согласие на пребывание на территории страны авиации НАТО, то ему будет трудно отказать в базировании на своей территории (возможно, на длительный срок) российской авиации, а возможно, и других воинских формирований. Какие аргументы могут выдвинуть противники размещения российских сил в Киргизии или, например, в Узбекистане? Конечно, известные трения возможны, но в целом Россия может использовать этот прецедент (американское присутствие) скорее в свою пользу. Тем более что «игры» второго президента К. Бакиева с российским руководством по вопросу о базах США, когда он пытался корыстно использовать российско-американские противоречия,

слишком дорого ему обошлись и обернулись падением власти, заставив его бежать из страны.

И в заключение несколько слов о Киргизии после прихода к власти А. Атамбаева. Уже сейчас было бы целесообразно проанализировать обстановку в высшем эшелоне власти, то, насколько сильна оппозиция власти нового президента и обладает ли он поддержкой в широких политических кругах. Как сейчас представляется, скорее всего, не исключено, что в Киргизии есть претенденты на власть, которые смогут в ближайшей перспективе составить конкуренцию ныне действующему президенту. Но несколько лет существования очередного нового режима власти в Кыргызстане пока не внушают оптимизма, несмотря на все декларации его руководства. Кыргызстан все более напоминает *failed state* – несостоявшееся государство, раздираемое межэтническими столкновениями и находящееся в состоянии экономического кризиса, при этом его руководство отрицает очевидное и продолжает проводить этнократическую политику, выдавливая нацменьшинства из страны, но все более попадая в долговую зависимость от КНР, чье проникновение в страну усиливается.

Библиография

- Абашин С. 2007. *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб.: Алетейя.
- Акаева Б. А., Коротаяев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013. (Ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 4. Ч. 2. *Центральная Азия: новые вызовы*. М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Андреев М. С. 1925. По этнографии таджиков. Некоторые сведения. *Таджикистан*: сб. статей. Ташкент.
- Бартольд В. В. 1997. *Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана*. Бишкек.
- Бартольд В. В. 1963. Таджики. Исторический очерк. *Сочинения*. Т. II. Ч. 1. М.
- Бартольд В. В. 1964. К вопросу о языках согдийском и тохарском. *Сочинения*. Т. II. Ч. 2. М.
- Бертельс Е. Э. 1950. Персидский-дари-таджикский. *Советская этнография* 4.
- Брагинский И. С. 1978. *Жизнь и творчество Садриддина Айни*. М.: Советский писатель.
- Гафуров Б. Г. 1989. *Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история*. Кн. I–II. Душанбе.
- Горячева В. Д. 2009. Индо-буддийский компонент культурного наследия Кыргызстана. *Проблемы культурогенеза и культурного наследия*. СПб.
- Горячева В. Д., Перегудова С. Я. 1994. Памятники христианства на территории Кыргызстана. *Из истории древних культов Средней Азии*. М.

- Горячева В. Д., Перегудова С. Я. 1998. Христианские памятники Кыргызстана (XIX–XX вв.). *К истории христианства в Средней Азии*. Ташкент.
- Еремеев Д. Е. 1982. Роль кочевников в этнической истории. *Расы и народы. Расы и народы* 12. М.
- Кадыров Ш. 2001. Институт президентства в клановом постколониальном обществе. *Вестник Евразии* 2.
- Каримов И. А. 1995. *Узбекистан на пути углубления экономических реформ*. Ташкент.
- Кармышева Б. Х. 1976. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). *Eurasica*. М.: Наука.
- Князев А. А. 2012. *Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории)*. Бишкек.
- Куртов А. 2004. Развитие конституционализма в Казахстане. *Казахстан и Россия: общество и государство*. М.: Права человека.
- Куртов А. 2006. Писательский гений Туркменбаши как симптом тоталитаризма. АПН Казахстан. 29.05. URL: <http://www.apn.kz/publications/article384.htm>.
- Кушкумбаев С. К. 2009. Полиэтничность и вопросы гражданской идентичности в Казахстане. *Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии*. М.
- Ларюэль М., Пейруз С. 2009. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М.: Наталис.
- Левитин Л. 2001. *Узбекистан на историческом повороте*. М.: Вагриус.
- Масов Р. М. 1991. *История топорного разделения*. Душанбе: Ифрон.
- Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). 2006. М.: Институт востоковедения РАН.
- Сафар А. 2003. Иран и Туран по «Шахнаме» Фирдоуси. *Центральная Азия: диалог цивилизаций в XXI веке*. Материалы международной конференции. Алматы.
- Соколова В. С. 1949. *Фонетика таджикского языка*. М.; Л.
- Стеценко И. А. 1963. *Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX в.* Душанбе.
- Сухарева О. А. 1958. *История городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки)*. Ташкент.
- Ханьков Н. В. 1843. *Описание Бухарского ханства*. СПб.
- Шукуров Р. 2003. Таджикистан: муки воспоминания. *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. Библиотека либерального чтения. М.: Фонд Фридриха Науманна.
- Шукуров Ш., Шукуров Р. 1996. *Центральная Азия: опыт истории духа*. М.: Панорама.